

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Научное издание

Е.А. Кудров

Е.А.Кудров

КОНФЛИКТ В ДАРФУРЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ
М., 2008. 80 стр.

Ответственный редактор: М.Ф.Видясова

**КОНФЛИКТ В ДАРФУРЕ:
ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ**

Мнение автора не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89394-196-8

ISBN 978-5-89394-196-8

Москва 2008

© Институт Ближнего Востока

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ОТ АВТОРА.....	6
ВВЕДЕНИЕ.....	8
Глава 1.	
КОНФЛИКТ В ДАРФУРЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ КРИЗИСА...	11
1.1 «Джанджавиды»: руководимые Хартумом ополчения арабских племен или просто банды?	16
1.2 Африканские племена с оружием в руках.....	18
Глава 2.	
КОНФЛИКТ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (2003–2007)..	24
2.1 Новая реальность Дарфура: борьба между арабскими племенами.....	26
2.2 Арабы и африканцы Дарфура: динамика взаимоотношений.....	28
2.3 Официальный Хартум в борьбе за лояльность Дарфура	31
2.4 Проблема дробления повстанческих группировок.....	33
Суданское освободительное движение/армия (СОД/А).....	33
Движение за равенство и справедливость (ДРС).....	39
Глава 3.	
УСИЛИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В РАЗРЕШЕНИИ КРИЗИСА.....	41
3.1 Дарфур и внутренняя борьба в суданском руководстве	47
3.2 Дарфурское мирное соглашение от 5 мая 2006 г.	49
3.3 Международное миротворчество в Дарфуре: начало.....	53
3.4 Резолюция СБ ООН 1769 и ЮНАМИД: важнейший этап мирного урегулирования в Дарфуре.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62
КАРТЫ.....	64
Карта 1. Общая карта Судана.....	64
Карта 2. Районы расселения племен Дарфура.....	65
Карта 3. Карта региона Дарфур.....	66
Карта 4. Нефть в Судане.....	67
SUMMARY.....	73

ПРЕДИСЛОВИЕ

Баляд ас-Судан, в переводе с арабского «Страна черных», раскинулась от песков Сахары до экваториальных лесов. Она представляет собой колоссальный и крайне мало изученный регион и остается одним из самых труднодоступных и малопосещаемых уголков планеты. При этом Судан, считающийся арабским мусульманским государством, населен множеством различных народов и племен, значительная часть которых исповедуют традиционные культы и христианство и сохранили свои языки и обычаи. Такое этническое, языковое и конфессиональное многообразие, осложняющееся многоукладностью социальных структур, создает богатую почву для внутренних распрей. По числу внутренних межэтнических конфликтов страна, пожалуй, не имеет себе равных.

Полвека Судан был ареной кровопролитной гражданской войны между арабомусульманским севером и африканским югом страны. К началу XXI столетия при активном участии международного сообщества противники сели за стол переговоров. Однако в то же самое время на западной окраине страны, в Дарфуре, обострился другой, не менее острый кризис. К 2005 году, когда войну на юге удалось остановить, масштабы конфликта на западе приблизились к гуманитарной катастрофе.

Данная работа посвящена именно конфликту в Дарфуре, который на сегодняшний день является наиболее острым и кровавым суданским кризисом, дестабилизирующим ситуацию и в соседних странах. Нельзя однозначно разделить стороны конфликта на «хороших» и «плохих». Корни противостояния уходят в далекое прошлое и основываются на разности интересов двух основных хозяйственных укладов: оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов.

К сожалению, в нашей стране Судану, да и всей остальной Африке, сейчас уделяется мало внимания. Можно надеяться, что работа Е.А.Кудрова, аспиранта кафедры полито-

логии Востока Института стран Азии и Африки при МГУ, основанная в том числе и на собственном опыте длительной работы в Судане по линии МИД России, в некоторой степени заполнит тот вакуум, который существует в отечественном востоковедении.

*М.Ф.Видясова,
профессор, доктор исторических наук*

ОТ АВТОРА

Происходящее в Дарфуре, западном регионе Судана, в последнее время широко обсуждается во всем мире. В сводках ведущих информационных агентств новостям из Дарфура уделяют пристальное внимание, часто отслеживая суданские реалии даже внимательней, чем ситуацию в Ираке или в арабо-израильском конфликте.

Дарфурская тематика за пять лет прочно заняла свое место на телеканалах Западной Европы и Северной Америки, ее активно обсуждают и в печатной прессе. А на сайте новостного центра ООН¹, например, рубрика, посвященная Судану, идет перед блоком арабо-израильских событий. И это неудивительно, ведь в 2008 г. в Дарфуре провела развертывание крупнейшая в мире миссия ООН. Благодаря широкому освещению в СМИ западная общественность хорошо осведомлена, что ситуация в Дарфуре катастрофическая, сотни тысяч людей погибли, а миллионы уже не один год существуют на грани жизни и смерти. На основании подозрений в причастности к геноциду, военным преступлениям и преступлениям против человечества Международный уголовный суд требует выдачи президента страны Омара Башира² и других влиятельных лиц государства. С трудом подерживая хрупкое существование на грани жизни и смерти миллионов жителей Дарфура, в регионе работают сотни неправительственных и международных организаций, многие сотрудники которых – добровольцы.

А что же в России? После 1991 г. мы на долгое время будто бы забыли об Африке, в которую десятилетиями вкладывали столько сил и средств. В самые последние годы этот плотный занавес молчания и безразличия будто бы слегка приподнялся. В случае с Суданом мы этим во многом обязаны нашему миротворческому контингенту, развернутому на юге страны для мониторинга выполнения мирного соглашения, положившего конец другому, полувековому суданскому конфликту по оси север – юг. Однако и сейчас в России едва ли каждый де-

саятый слышал хоть что-то о Дарфуре, а уж детали происходящего на западе Судана известны лишь единицам.

Предлагаемая вниманию читателя работа призвана исправить сложившееся положение. Не претендуя на всеобъемлющий детальный охват проблематики масштабного конфликта в Дарфуре, все сильнее затягивающего в свою орбиту и соседние с Суданом страны, мы попытались показать причины и основные тенденции происходящего, осветить участников конфликта и их устремления, проанализировать разносторонние усилия по поиску решения кризиса со стороны основных региональных игроков и международного сообщества.

Хронологически ситуация в регионе рассмотрена вплоть до конца 2007 г., дальнейшее развитие событий в этой работе нами не излагается и не анализируется. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что, как упоминалось выше, с 2008 г. в Дарфуре началось развертывание смешанной Миссии ООН и Африканского союза, что, естественно, несколько изменило ситуацию «на местах». Во-вторых, в предлагаемой вниманию читателя работе нами использован собственный более чем двухлетний опыт дипломатической работы в Судане (2005–2007 гг.), в частности, в штатах Северный и Южный Дарфур. Личные впечатления, конечно, бывают субъективны и поверхностны, не могут отразить всей сложности происходящих событий. Но они ценны тем, что служат прекрасной иллюстрацией к голым фактам и цифрам и, что еще важнее, позволяют сформировать определенную базовую картину происходящего.

ВВЕДЕНИЕ

Бывший англо-египетский Судан получил независимость 1 января 1956 г. Крупнейшее в Африке государство (см. карту 1) оказалось конгломератом народов с разной культурной, конфессиональной и языковой принадлежностью. Уже в 1955 г. началось вооруженное противостояние между севером и югом Судана. Этот конфликт – полномасштабная гражданская война – продолжался до 2005 г. с перемирием в 1972–1983 гг. Гражданская война в Судане стала самой долгой на Африканском континенте. Масштабы конфликта также беспрецедентны для региона: почти полувековое вооруженное противостояние унесло жизни более двух миллионов человек³.

Помимо конфликта на юге, суданскому правительству пришлось столкнуться и со многими другими конфликтами, вызванными разнородностью этнической палитры страны. Среди таких факторов, осложняющих политическую ситуацию, – стремление к самоопределению восточных районов страны на побережье Красного моря с высокой долей неарабского населения⁴, проблема гор Нуба, расположенных на границе севера и юга страны, а также вопрос окончательной ассимиляции нубийцев⁵ – коренного населения северной части суданской долины Нила. Суданский исследователь Ибрагим Адам пишет об этом следующее: «На самом деле, в Судане присутствует далеко заходящее противостояние между центром и окраинами, этот спор начался вместе с объявлением независимости и появлением региональных открытых и подпольных образований, которые могли пользоваться значительной поддержкой и сочувствием народа... Опасность этих образований может заключаться в том, что они способствуют разделению общества на части, не признающие друг друга...»⁶. Таким образом, именно то, что общественно-политические образования этих малых народов характеризуются выраженной этнической принадлежностью, выводит их за пределы арабосуданского политического поля, предопределяет противостояние с арабским большинством.

На фоне всех вялотекущих конфликтов в северной части Судана особенно выделяется проблема Дарфура, которая за последние годы вышла на первый план. Дарфур – обширный регион на западе Судана, занимающий площадь 493180 кв. км – примерно одну пятую территории страны. Как иногда пишут, по площади он почти равен такой крупной европейской стране, как Франция. Этот регион граничит с Ливией, Чадом и Центрально-африканской республикой (см. карту 3). Дарфур, после административной реформы 1994 г. разделенный на три штата (Западный, Северный и Южный Дарфур), не только обширен, но и достаточно густо населен. На его территории проживают почти 7 млн. человек, что составляет около 20% от 40-миллионного населения всего Судана⁷. По всей видимости, важность голосов жителей Дарфура для всех будущих выборов в Судане постепенно будет возрастать, ведь еще в 1993 г. в регионе проживало лишь 4,7 млн. чел.⁸. Таким образом, численность населения региона, несмотря на военные действия, из-за многих факторов увеличилась за 15 лет в полтора раза, превосходя темпы прироста населения по стране в целом.

Со времен султаната Дарфур сложилось так, что административным центром всего Дарфура был г.Эль-Фашер. В последние же десятилетия более важным в экономическом плане стал г.Ньяла, административный центр наиболее благоприятного для проживания штата Южный Дарфур площадью 27300 кв. км. Население штата составляет 3,5 млн. чел., при этом в столице – экономическом центре всего региона Дарфур – скапливается огромное число внутренне перемещенных лиц. По неофициальным данным, население Ньялы за годы конфликта стремительно выросло и превысило 1 млн. чел., большая часть которых ютится в разросшихся пригородных трущобах. Один из министров правительства штата в ноябре 2007 г. в неформальной беседе даже высказал мнение, что в городе проживает 1,8 млн. чел., но эта цифра вызывает сомнение. Город соединен с центральными районами страны железной дорогой, которая, однако, требует капитальной реконструкции и в настоящее время не функционирует. Таким образом, основным средством сообщения для Дарфура, как и для всего основного Судана, остается авиация.

Население штата Западный Дарфур со столицей в г.Аль-Генейна и площадью 79460 кв. км. составляет 1330 тыс. чел.⁹. В этом штате самая сложная гуманитарная обстановка – здесь

наибольшее число сожженных селений и лагерей внутренне перемещенных лиц. Очень обширен полупустынный штат Северный Дарфур со столицей в г.Эль-Фашер, который служит и административным центром всего региона. В Северном Дарфуре проживает 1863 тыс. чел., и здесь наиболее велика доля кочевого населения.

Таким образом, Дарфур, расположенный в зоне Сахеля между Сахарой и хорошо увлажненными районами тропических лесов, представляет собой большой и густонаселенный аграрный регион.

Глава 1.

КОНФЛИКТ В ДАРФУРЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ КРИЗИСА

Население Дарфура, поголовно мусульманское, четко идентифицирует себя с племенами. В отличие от района Большого Хартума, трайбализм в Дарфуре остается определяющим фактором социально-политической и экономической жизни. Все население разделено на племена, примерно 60% из которых считают себя арабскими, а 40% – африканскими (см. карту 2). При этом внешне они практически неразличимы – африканский фенотип в Дарфуре господствует полностью. Во время одной из встреч в правительстве штата Южный Дарфур губернатор, желая подчеркнуть единство жителей региона, указал на двух своих министров – араба и африканца – и спросил, есть ли разница в их внешнем облике. Для неискушенного европейца министры были похожи, как два брата. Но при этом, конечно, сами жители Дарфура всегда поймут, кто свой, а кто чужой.

Арабские племена Дарфура в основном занимаются кочевым скотоводством, разводя верблюдов и крупный рогатый скот, а африканцы – земледелием. Однако есть и африканские кочевые племена, например загава, и арабские оседлые.

Негроидные племена региона – фур, загава, масалит и прочие менее многочисленные – проживали в регионе Дарфур издавна, это автохтонное население. По одной из версий, самим своим названием регион обязан основной проживающей на его территории африканской народности фур: Дар фур – по-арабски – «дом фур».

Фуры в подавляющем большинстве – оседлые земледельцы, населяющие центр региона – хорошо увлажненные, не подверженные засухам горный массив Марра и прилегающие к нему плодородные земли. В этих же относительно благодатных местах проживают и другие оседлые негроидные племена: многочисленное племя масалит, менее крупные и влиятельные таргам, берти, баргу, бергид, тама.

К северу от гор Марра, в пустынных районах у границ Сахары кочует со своими стадами верблюдов крупное и в военном плане очень сильное африканское племя загава. Они держатся особняком, их земли даже получили свое название – *Дар загава* (араб. «Дом загава»). На севере Дарфура большую часть года обитают и арабские кочевые племена, занимающиеся разведением верблюдов – махария, ирайкат, махамид и бени хусейн. Эти районы на границе Сахары очень подвержены многолетним засухам и наименее пригодны для постоянного проживания.

В южной и восточной частях Дарфура кочуют преимущественно со стадами крупного рогатого скота арабские племена резегат, хаббания, бани хальба, тааиша и маалия. Осадки в этих местах намного стабильнее, чем на севере, а сами равнины представляют собой уже не полупустыню, а сухие низкотравные саванны. В то же время центральному массиву Марра по условиям жизни эти районы все-таки значительно уступают.

Арабские племена в массовом порядке начали расселяться в северных и центральных областях Судана только с XIII века, а в Дарфур стали проникать еще позднее. Таким образом, волею судьбы населению западной части современного Судана был предоставлен длительный период независимого развития.

В том же XIII веке в Дарфуре сложилось первое централизованное государство – султанат Тунгур с центром в горах Марра. В материальной культуре этого государства прослеживаются мероитские традиции, отмечаются связи с Египтом и Борну. В середине XVI века султанат был включен в состав государства Борну. С конца того же века к власти в Дарфуре пришла династия Кейра, вновь добившаяся независимости государства, с этого времени обычно именуемого султанат Кейра. При династии Кейра средневековый султанат достиг своего расцвета. Государственной религией его с конца XVII века стал пришедший с торговцами с северо-востока ислам. Султанат периодически вел войны с государствами долины Нила, длительное время контролировал территорию современного Кордофана, в начале XVIII века под властью дарфурского султана оказалась и часть долины Нила вплоть до реки Атбара. Таким образом, у населения Дарфура сложились определенные традиции сопротивления властному давлению из центра страны, причем сопротивления «на равных».

В ходе завоевания Судана египтянами Мухаммеда Али в 1821 г. войска дарфурского султаната потерпели поражение.

Династия Кейра потеряла контроль над всем Кордофаном. Реально оценивая соотношение сил в то время, можно сделать вывод, что египтяне могли бы занять и сам Дарфур, однако из-за трудностей в установлении контроля над долиной Нила, имевшей для них безусловный приоритет, поход египетских войск на запад не удался. Дарфур остался независимым государством под управлением своего собственного султана еще на полвека. Лишь в 1875 году войска египетского хедива окончательно одолели сопротивление упрямых жителей западного суданского региона, а султан Дарфура с семьей был отправлен в Каир.

Однако поддерживать контроль над удаленным регионом из центра страны было непросто. В 1888 г., в период существования в Судане махдистского государства (1881–1898) жители Дарфура, не выдержав «тяжелой руки» поборников чистоты ислама, подняли восстание против преемника Махди – халифа Абдаллы и сопротивлялись махдистам вплоть до 1892 г. Лишь применив крайне жесткие ответные меры, властям страны удалось подавить восстание.

После завоевания центрального Судана англичанами и египтянами Китченера в 1898 году Дарфур вновь стал независимым султанатом. Государство возглавил султан Али Динар, которого в 1899 году признали и англичане – однако при условии выплаты ежегодной дани. Несмотря на регулярные отчисления в Хартум и юридический статус автономии, де-факто Дарфур оставался независимым. Но в первую мировую войну султан Али Динар присоединился к объявленной турками «священной войне» против неверных и выступил против контролировавших весь остальной Судан англичан. Ответ британцев был быстр и решителен, и в 1916 г. период независимого развития Дарфура окончился – Дарфур вошел в состав англо-египетского Судана. Таким образом, в 1956 г., когда Судан получил независимость, Дарфур естественным образом стал частью нового государства.

На протяжении более чем полувекового независимого развития Судана (1956–2008 гг.) Дарфур остается слаборазвитым аграрным регионом, удаленным от центра и слабо интегрированным в экономику страны, не получавшим со стороны правительств необходимого внимания и вложений. Крупные народности региона, и прежде всего фур, не получили ожидаемого ими представительства в Хартуме: для уроженцев запада страны

места в политической и экономической номенклатуре нового Судана не нашлось.

Кроме того, в Дарфуре менялись социально-экономические условия. Быстро растущее население и вместе с тем постепенно сокращавшиеся осадки привели к ускорению процессов опустынивания в Северном Дарфуре и сокращению обрабатываемых сельскохозяйственных угодий и пастбищ. Все ускорявшееся наступление Сахары привело к тому, что население стало постепенно смещаться из северных районов Дарфура к югу, в более благоприятные для ведения сельского хозяйства области региона.

Объективное ухудшение условий жизни при недостаточном внимании со стороны официального Хартума, закрытость арабских элит центра и севера страны для выходцев из Дарфура, даже некоторое пренебрежительное отношение жителей долины Нила к населению западных районов страны привели к тому, что уже на рубеже 1950-х – 1960-х годов в Дарфуре появились первые неофициальные оппозиционные группировки, выступавшие против маргинализации региона и за объединение всех племен Дарфура – как арабских, так и неарабских – против притеснения из центра. Уже тогда, с постепенным распространением в регионе личного огнестрельного оружия обычные межплеменные столкновения за доступ к воде и пастбищам стали приобретать все более масштабный и кровопролитный характер.

В 1965 году под руководством видного лидера племени фур, оппозиционера Ахмеда Дирайга¹⁰ оформилось первое крупное региональное движение – Фронт развития Дарфура, который на протяжении ряда лет оставался единственной политической силой, представлявшей Дарфур в столице страны. В начале 1980-х гг. студенты Хартумского университета – выходцы из Дарфура организовали в столице протесты, добиваясь назначения Дирайга губернатором Дарфура, который тогда в административном плане еще был единой провинцией. Несмотря на жесткую реакцию правительства, оппозиции удалось добиться своего, и в 1981 году во главе Дарфура встал уроженец и патриот региона.

К этому времени проявил себя постепенный, но постоянно углублявшийся раскол между африканскими и арабскими племенами региона. Ранее основой самоидентификации была разница между жителями долины Нила (сыны отчизны, ауляд

аль-ватан) и уроженцами Дарфура (которых в центральных районах иногда пренебрежительно именовали детьми Запада, *аульд аль-гарб*), а внутренние дарфурские конфликты были обусловлены хозяйственными спорами между оседлыми земледельцами и кочевниками-скотоводами. В 1980-х годах же начались выраженные столкновения уже по линии арабы – африканцы.

В 1984-1985 г.г. в Дарфуре случилась очередная серьезная засуха, и массы кочевых племен двинулись со своими стадами с севера региона на юг. В 1987-1989 г.г. интересы земледельческого племени фура пересеклись с устремлениями арабских племен, кочевавших в поиске новых пастбищ. Против земледельцев-фура, противившихся проникновению кочевников на свою территорию, сложилась целая коалиция из 27 арабских племен. Это привело к первому выраженному вооруженному противостоянию по линии арабы – африканцы с масштабными разорениями селений, убийствами и насилием¹¹. Нелегко однозначно ответить на вопрос о том, кто больше виноват в этом конфликте. Кочевые арабские племена, подгоняемые засухой, двигались обычными путями миграций, но, очевидно, увеличивали нагрузку на и без того скудные в условиях засухи ресурсы региона. Земледельцы фура в тех же неблагоприятных климатических условиях стремились компенсировать потери урожайности за счет расширения посевных площадей. Кочевники со своими стадами, сталкиваясь с вновь распаханной полями и перегороженными земледельцами руслами пересыхающих рек (*вади*), все равно были вынуждены искать пути на благодатный юг. Земледельцы фура, конечно, противились потравам скотом своих полей. У каждой стороны была своя правда, под угрозой оказался привычный жизненный уклад и кочевников, и земледельцев, а тогдашнее довольно слабое центральное правительство страны, несмотря на ожидания жителей региона, не стало сколько-нибудь всерьез заниматься конфликтом, хотя его симпатии оказались на стороне более лояльного официально Хартуму арабских племен.

Тенденция, отмечаемая со второй половины 1980-х и на протяжении 1990-х годов, – самоустранение центрального правительства Судана, ранее естественным образом выступавшего в качестве посредника в разрешении крупных спорных вопросов, от проблем запада страны. В то же время и правительство Садыка аль-Махди¹², и пришедший ему на смену в результате государственного переворота военно-исламистский альянс

Омара аль-Башира и Хасана ат-Тураби¹³ были заинтересованы в сохранении контроля над Дарфуром. Сложившиеся обстоятельства оказались «тепличными» для возвращения в Дарфур арабского национализма. С течением времени все большее влияние на дела региона стало оказывать в той или иной мере поощряемое Хартумом так называемое Арабское собрание (*ат-таджаммуа аль-араби*) – неформальное совещание вождей местных арабских племен¹⁴. В ходе кризиса 1987–1989 годов стороны опирались на племенные ополчения; к мобильным арабским отрядам, нередко применявшим тактику «выжженной земли», стали применять термин «джанджавиды», который в наши дни ассоциируется с преступлениями против человечества. «Джанджавид» чаще всего переводят с арабского как «джин на коне». Это – местный арабский термин, составленный из двух элементов: «джин» (джин, злой дух) и «джавад» (всадник).

1.1 «Джанджавиды»: руководимые Хартумом ополчения арабских племен или просто банды?

Нелегко однозначно ответить на вопрос, кто же, собственно, такие «джанджавиды»? Остаются сомнения относительно того, кто их финансирует и контролирует, кто дает оружие. Существует несколько точек зрения на этот вопрос, и каждая из них по-своему верна.

На Западе «джанджавидам» приписывают вину за огромное количество жертв, их рассматривают как поощряемых официальным Хартумом убийц и насильников. Не исключается, что в организации набегов «джанджавидов» участвуют суданские офицеры и военнослужащие, активисты народных сил обороны, но представить доказательства этого никто не может. Невозможно определить и происхождение используемого «джанджавидами» оружия, ведь автомат Калашникова универсален и космополитичен.

С другой точки зрения, «джанджавиды» не есть нечто единое, а являются конгломератом племенных ополчений и банд, не связанным между собой ничем, кроме тяги к разбою.

Интересно то, что из «джанджавидов» так и не выросло политической группировки, которая могла бы сесть за стол переговоров с объединениями африканских племен. Логично предпо-

ложить, что если бы официальный Хартум не обладал существенными рычагами влияния на «джанджавидов», то суданскому руководству было бы выгодно появление дополнительного антиафриканского субъекта переговорного процесса. В том случае, если суданские силовики контролируют арабский сектор Дарфура, дополнительные группировки только осложнили бы переговорные позиции правительства.

В то же время политического объединения у «джанджавидов» могло не получиться и в том случае, если «джанджавиды» - лишь термин, относящийся к разнородным группам ополчений и разбойников. Таким образом, отсутствие политического представительства может служить косвенным подтверждением обеих теорий.

Сами «джанджавиды» редко «выходят из тени». Немногие из их предводителей известны суданской общественности по именам, еще меньше тех, кто готов делать какие-либо заявления. Среди последних наиболее известен Муса Хияль, один из лидеров племен резегат в Северном Дарфуре, но и его нельзя считать представителем всех отрядов «джанджавидов» как некоего целого.

Любопытно, что сами арабские племена отрекаются от любых связей с «джанджавидами». В 2006 г. на одном из брифингов для иностранных дипломатов в МИД Судана представители арабских племен Дарфура однозначно говорили о том, что понятия не имеют, кто такие «джанджавиды». У самих племен, конечно, оружие есть, но, говорили они, оно нужно только для самообороны, ведь в Дарфуре до властей далеко и надеяться можно только на себя.

Таким образом, «джанджавиды» предстают перед нами неким абстрактным понятием, недоступным миражом, но миражом, несущим смерть и запустение. Представляется наиболее вероятным, что истина, как всегда, где-то посередине. «Джанджавиды» - конгломерат племенных ополчений и бандформирований, часть из которых, по всей видимости, получает указания из Хартума, а часть действует на свой страх и риск. Проанализировав всю совокупность данных, приходится сделать вывод, что «джанджавиды» - преимущественно выходцы из арабских кочевых племен резегат, но многие из них и из племен баггара. Вследствие широты расселения кочевых племен у «джанджавидов» крепки трансграничные связи с соседним Чадом, что облегчает поставки оружия, боеприпасов и техники.

1.2 Африканские племена с оружием в руках

Курс официального Хартума на поддержку арабских племен Дарфура охладил надежды руководства африканских племен этого региона на достойное место на общесуданской политической сцене. Еще во второй половине 1980-х гг. элиты многих крупных африканских племен Дарфура симпатизировали официальному Хартуму Садыка аль-Махди, пока его правительство в годы кризиса не сделало ставку на арабов. Позднее, после переворота 1989 г., руководимые Хасаном ат-Тураби радикальные исламисты также привлекли на свою сторону многих образованных жителей Дарфура. Сам ат-Тураби уделял суданскому западу много внимания и вплоть до сегодняшнего дня, несмотря на положение в оппозиции, сохранил влияние на руководство одного из основных оппозиционных движений – Движение за равенство и справедливость. Однако после 2000 г., когда ат-Тураби был отстранен военными от власти, надежды дарфурских элит на полноценное участие в общегосударственном строительстве вновь потерпели крах.

Кроме того, центральные власти Судана в стремлении ослабить электоральный вес Дарфура и не дать его жителям объединиться приняли решение о разделе региона на три штата. В 1994 году в рамках административной реформы вместо ранее единого региона были образованы три штата – Западный, Северный и Южный Дарфур. По мнению некоторых исследователей, идея раздела принадлежала министру по федеральным делам Али аль-Хаджу, который тем самым стремился административно расколоть единый массив племени фур и обеспечить победу на выборах кандидатам от исламистов¹⁵.

Такое стечение обстоятельств оттолкнуло лидеров фур, загава, масалит и прочих племен от опоры на Хартум, заставило их искать новые способы заявить о себе, разрабатывать другие программы действий.

С 2001 г. предводители африканских племен Дарфура стали руководствоваться принципом силового отстаивания своих интересов. 21 июля 2001 г. на съезде в селении Абу Гамра в Западном Дарфуре лидеры фур и загава, отложив собственные разногласия и вражду, поклялись на Коране, что будут действовать совместно, чтобы противостоять арабской политике доминирования в Дарфуре¹⁶.

Первой формой организации африканских племен стали племенные ополчения – простейшая форма организации обороны поселений, не слишком эффективная и на начальном этапе не подразумевавшая даже оповещение соседей об опасности. По сути, на ранней стадии задачей этих отрядов была лишь самооборона. С течением времени организация повстанцев совершенствовалась, пока не появились более мобильные и эффективные боевые подразделения с современным вооружением, не только легким стрелковым, но и с крупнокалиберными пулеметами, РПГ и даже легкой артиллерией. С течением времени у африканских отрядов за счет захвата автомобилей правительственных войск и поставок из Чада перестал ощущаться недостаток и транспортных средств – критерием боеспособности отрядов в Дарфуре стало не только число бойцов, но и количество полноприводных пикапов, в кузов которых устанавливаются турели с крупнокалиберными пулеметами.

С усилением племенных ополчений, руководимых молодыми лидерами нового типа, в племенах падало влияние традиционной племенной знати – шейхов, неспособных найти решение затянувшемуся маргинальному состоянию региона. Одновременно на первые позиции выходили военные предводители этих ополчений – отрядов самообороны, постепенно преобразовавшихся в организованные оппозиционные движения. Помимо конфликта между традиционной и новой элитами, происходил и конфликт поколений. В новые, боевые лидеры племен пробивались молодые люди в возрасте до 40 лет, а многие – и младшие 30. Естественно, престарелые представители традиционной верхушки воспринимали этих молодых лидеров как выскочек, но обычно стремились избежать эскалации напряженности. Молодые же руководители племен считали «старую гвардию» косным элементом, ненужным препятствием на пути консолидации сил повстанцев. Так, один из лидеров повстанцев Минни Аркои Минави высказывался, что в Дарфуре есть правительственные войска и повстанцы, а шейхи к этому не имеют никакого отношения. Кроме того, в борьбе за власть ожесточенная молодежь подчас не гнушалась и жестокими методами, что еще больше обостряло отношения.

Следующим важным этапом на пути консолидации сил оппозиции, недовольных политикой Хартума в Дарфуре, стала встреча руководства трех крупнейших африканских племен региона – фура, загава и масалит – в ноябре 2001 г. в городе За-

лингей в Западном Дарфуре. На этом собрании лидерам фура и загава удалось заручиться поддержкой руководства племени масалит, и был создан единый Фронт/Движение за освобождение Дарфура.

Для ведения эффективной борьбы и вербовки сторонников молодому оппозиционному движению, руководимому неопытными лидерами, необходимо было добиться признания со стороны известных политических сил страны. Первой попыткой легитимации стали контакты повстанческих движений с упоминавшимся выше Ахмедом Дирайгом, который, однако, не одобрил идею вооруженной борьбы, и молодому поколению дарфурских оппозиционеров пришлось искать себе других покровителей.

Существует не лишнее оснований мнение о том, что важную роль в разжигании кризиса в Дарфуре сыграло Суданское народно-освободительное движение/армия (СНОД/А), военнополитическое объединение суданцев-южан, в то время завершавшее период длительного вооруженного противостояния с правительственными войсками на юге страны и заинтересованное перед началом переговоров с Хартумом создать северянам «второй фронт». Южане стали поставлять оппозиционерам Дарфура оружие и боеприпасы, даже осуществляли подготовку боевиков¹⁷.

Свою роль сыграли Чад и Ливия. Конечно, и президент Чада Идрис Деби, и ливийский лидер Муаммар Каддафи руководствовались в дарфурской игре своими собственными целями, но и тот, и другой оказались в некоторой степени причастны к усилению позиций дарфурских повстанцев. Для Деби нестабильность в Дарфуре оказалась возможностью навредить более сильному соседу, возможно, причастному к поддержке чадской оппозиции, и одновременно поддержать своих соплеменников-загава¹⁸. Для Каддафи с его неиссякаемыми амбициями Дарфур оказался новым полем действия на юге после неудачи в войне с Чадом¹⁹.

Очевидно, что к эскалации давно тлевшей в Дарфуре напряженности привел весь комплекс этих факторов. Начало современной острой фазы конфликта в Дарфуре относится к концу 2002 – началу 2003 г. На этой стадии кризис быстро приобрел форму организованного вооруженного противостояния негроидных племен с правительственными войсками, а чуть позднее и проправительственными формированиями арабских племен. Африканские племена региона, к этому времени сумевшие соз-

дать единые координирующие структуры, в стремлении остановить маргинализацию региона и заставить официальный Хартум прислушаться к своему голосу в массовом порядке взяли в руки оружие. Формальной датой начала острой фазы кризиса можно считать 26 февраля 2003 г., когда в Дарфуре было совершено первое крупное нападение на полицейские посты и погибли сотни сотрудников суданского МВД.

После этого в регионе начался быстрый процесс образования хорошо вооруженных и организованных оппозиционных группировок. В феврале 2003 г. Фронт освобождения Дарфура был переименован в Суданское освободительное движение/армию (СОД/А). Тем самым региональное движение приобрело общенациональную окраску. Была сформирована и вторая крупная организация повстанцев – Движение за равенство и справедливость (ДРС). Эти две основные группировки вскоре вступили в открытое противостояние с правительственными войсками.

Суданская освободительная армия (СОА), с самого начала в военном плане представлявшая собой лишь довольно аморфное объединение отрядов самообороны племен фур, загава и масалит, быстро превратилась в хорошо организованную мощную военную силу, что позволило повстанцам из этого движения добиться впечатляющих успехов «в поле». В частности, в апреле 2003 г. совместно с ДРС им даже удалось захватить и некоторое время удерживать аэропорт города Эль-Фашер, столицы штата Северный Дарфур. В аэропорту был захвачен правительственный генерал от авиации, много оружия и боеприпасов, уничтожен самолет. Силы СОД/А на короткое время занимали и города Меллит и Кутум в Северном Дарфуре, одерживали верх над правительственными войсками и в Южном Дарфуре. Однако в Хартуме быстро осознали масштаб угрозы и поспешили «потопить сопротивление в крови». Собравшиеся с силами правительственные войска, применяя «тактику выжженной земли» и при поддержке авиации всерьез потеснили СОД/А. К концу 2003 г. движение уже не только не претендовало на какие бы то ни было военные успехи, но, по сути, сражалось за существование. Ослабил движение и раскол по этническому принципу: усиливавшиеся трения между руководством крупных племен загава и фур с течением времени привели к разделению движения на два крыла, подконтрольных Минни Аркои Минави (загава) и Абдельвахиду Му-

хаммеду Нуру (фур). Этот раскол – наиболее осязаемый пример фрагментации движений, впоследствии оказавшейся серьезнейшим препятствием на пути к решению кризиса.

Движение за равенство и справедливость (ДРС), в свою очередь, было слабее в военном плане, но политически лучше организовано. Относительная этническая монолитность движения с опорой на племя загава ограничила число его «штыков», но позволила избежать серьезного раскола, хотя проблема выхода из организации полевых командиров с собственными амбициями не обошла и ДРС. Кроме того, сильной стороной ДРС были ее связи с единоплеменниками в Чаде, позволившие при негласном содействии чадского руководства эффективно организовать поставки оружия.

После полугодового активного вооруженного противостояния 3 сентября 2003 г. между суданским правительством и наиболее влиятельным в Дарфуре СОД/А было подписано Соглашение о прекращении огня. После этого конфликт принял иную форму. Официальный Хартум на время оставил тактику быстрых массированных ударов по формированиям повстанцев. Вместо этого суданская военная машина начала оказывать негласную, но все более активную поддержку арабским, преимущественно кочевым племенам, заинтересованным в расширении своих пастбищ и, следовательно, увеличении экономического и политического веса за счет оседлых соседей-африканцев.

Эти устремления получили естественный отпор. Конфликт быстро принял характер острого противостояния между негроидными и называющими себя арабскими племенами региона, а также часто просто между кочевниками и оседлыми земледельцами, конфликтующими из-за доступа к скудным водным и земельным ресурсам вне зависимости от своей этнической принадлежности. Необходимо еще раз подчеркнуть, что тесное сосуществование в Дарфуре племен с разными хозяйственными укладами – оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов – издавна приводило к регулярным столкновениям на почве борьбы за ресурсы, примеров тому множество²⁰. История таких межплеменных столкновений может насчитывать до 500 лет, при этом в ряде случаев африканские племена ведут кочевой образ жизни, а арабские – оседлый.

Однако масштаб межплеменных столкновений приобрел катастрофический характер, к этому прибавились и факты нового

периодического вмешательства правительственных войск, в том числе бомбардировок позиций повстанцев, так что в мире заговорили о геноциде и гуманитарной катастрофе в Дарфуре. Данные о числе погибших и вынужденных покинуть места своего традиционного обитания жителей региона поражают: речь идет о сотнях тысячах погибших (по разным данным, от 200 до 400 тыс. чел.) и 2–2,5 млн. беженцев и внутренне перемещенных лиц. В то же время, по официальным данным суданского правительства в Дарфуре за четыре года кризиса погибло «все-го» девять тысяч человек.

Тактически межплеменная борьба в Дарфуре на начальном этапе преимущественно носила характер набегов вооруженных чаще всего лишь легким стрелковым оружием отрядов «джанджавидов» на поселения африканских племен Дарфура. Обычно набеги заканчивались разорением деревень, угоном скота, массовыми убийствами и насилием. Очевидно, что ополчения и вооруженные группировки африканских племен региона также не отличались особой щепетильностью в своих действиях; тем не менее подавляющая часть публикуемых несуданскими и неподконтрольными Хартуму СМИ материалов и сообщений представляет негроидные племена Дарфура жертвами агрессии, но никак не равноправными участниками вооруженного конфликта. По неподтвержденным данным, центральное правительство Судана поддерживало действия «джанджавидов», что вызывало обвинения хартумского режима со стороны международного сообщества в геноциде в Дарфуре.

Официальный Хартум, естественно, эти обвинения отвергал. Представители арабских племен Дарфура на организуемых в МИД Судана брифингах для дипломатов и сотрудников международных организаций и НПО неоднократно заявляли, что к «джанджавидам» никакого отношения не имеют, а оружие вынуждены хранить «на всякий случай», т.к. в пустыне, вдали от хорошо контролируемых правительством густонаселенных областей надеяться можно только на себя.

Еще больше аппетиты сторон конфликта в Дарфуре разжигают возможные, хотя пока недостаточно разведанные и доказанные, запасы нефти в регионе²¹. На территорию штата Южный Дарфур приходится значительная часть площади суданского нефтяного блока 6 (см. карту 4). Однако пока говорить о нефти как о серьезном факторе, осложняющем ситуацию в Дарфуре, нельзя.

Глава 2. КОНФЛИКТ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (2003–2007)

С течением времени ситуация в Дарфуре менялась, хотя и не в лучшую сторону. С лета 2006 г. в условиях неработающих мирных договоренностей, безуспешного политического процесса, отсутствия у повстанцев единых четких целей и высокого соблазна извлечь из всеобщего хаоса собственную выгоду ускорился процесс фрагментации дарфурских оппозиционных движений и образования новых мелких группировок. Все чаще у повстанцев возникали разногласия не только с правительством или арабскими племенами, но и с развернутыми в Дарфуре с 2004 г. африканскими миротворцами, а подчас и друг с другом. Все большее число повстанцев в погоне за вооружением и транспортом стало заниматься откровенным разбоем, сопровождаемым кровопролитием и ставшим подлинным бичом Дарфура. К этому добавлялась и негласная, но активная материальная и политическая поддержка тех или иных группировок со стороны соседних государств, заинтересованных в нестабильности в Судане. Регион постепенно превратился в арену жестоких столкновений «каждого со всеми».

Сотни тысяч мирных жителей Дарфура, оказавшись между молотом арабских ополчений и наковальней часто не менее жестоких повстанцев, подались в лагеря беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ)²². Особенно сильным и быстрым этот процесс оказался в самом беспокойном штате Западный Дарфур, где уже к 2006 г. число ВПЛ превысило 750 тыс. чел. Однако и в двух других штатах региона, еще гуще населенных, потоки мигрантов были также внушительны.

Начавшийся процесс массового переселения наиболее уязвимого населения в расположенные в окрестностях городов относительно спокойные и безопасные лагеря быстро набрал обороты: общее число ВПЛ оценивалось в 2–2,5 млн. чел. Точной статистики, конечно, нет. В 2007 г. процесс если и замедлился, то незначительно: по данным ООН, только с начала 2007 г.

по август более 240 тысяч жителей Дарфура были вынуждены покинуть места своего традиционного проживания²³. Постепенно лагеря ВПЛ превратились в огромные густонаселенные кварталы трущоб, зависящие от продовольственной помощи гуманитарных организаций и агентств ООН. Многие же сельские районы, ранее населенные наиболее слабыми африканскими племенами, опустели и оказались в полной власти арабских ополчений и формирований неарабских союзников правящего в Хартуме Национального конгресса (прежде всего загавы Минни Аркои Минави), с подачи или молчаливого согласия Хартума приступивших к освоению завоеванных территорий.

Таким образом, в 2007 г. в Дарфуре отмечались две относительно новые тенденции, меняющие, казалось бы, привычную и стройную картину противостояния по этнической линии или, если угодно, линии межкультурного разлома арабы – африканцы.

С одной стороны, лагеря ВПЛ превратились в изобилующие оружием самодовлеющие центры, уровень насилия в которых очень высок. В происходящих в лагерях, казалось бы, хаотических процессах неизбежно складываются новые силовые центры, и скоро там появятся свои влиятельные уже в масштабе штатов лидеры, к чьему мнению придется прислушиваться многим, в том числе и руководству оппозиционных группировок.

С другой стороны, арабские племена в ходе передела земельной собственности обнаружили, что между ними также существует множество противоречий. Когда «внешний враг» в виде ряда африканских племен оказался хотя бы частично и временно устранен, сразу вспомнились старые и возникли новые счеты между самими арабами, а по счетам в Дарфуре приходится платить только кровью.

Кроме того, перспектива появления в Дарфуре новой силы в виде многочисленных и хорошо экипированных международных миротворцев, которые, как все в регионе прекрасно понимают, официально Хартуму не симпатизируют, поставила арабские племена перед дилеммой. Арабы Дарфура оказались перед выбором: сохранить лояльность центральному правительству и, возможно, вместе с ним (или даже вместо него) отвечать за злоупотребления военных времен, или вовремя «изменить имидж» и закрепить свои территориальные и материальные достижения путем сотрудничества с международным сообществом и бывшими противниками. Столкнувшись с ме-

няющейся реальностью, некоторые арабские племена решили, что сотрудничество с Национальным конгрессом им теперь стало невыгодно, и нашли новых союзников в лице вооруженных формирований повстанцев со схожими интересами.

2.1 Новая реальность Дарфура: борьба между арабскими племенами

На некоторое время оказавшись в роли чуть ли не единоличных хозяев значительных покинутых африканцами территорий, многие арабские племена поспешили закрепить свои права на новые земли до развертывания в Дарфуре миротворческой миссии, при которой, очевидно, что-то изменить будет уже гораздо сложнее.

Крупнейшим статусным административным понятием, дающим племени право на полноценное землевладение и землепользование и участие в местных органах власти в Дарфуре является племенной округ (араб. *низара*). Получение этого статуса является высшим признанием прав племени. Для того, чтобы добиться племенного округа *низара*, племя должно владеть землями семи округов старейшин (араб. *умудийя*). Поэтому, захватывая новые территории, племена стремятся зафиксировать свое право на них в виде одобренных властями малых округов *умудийят* (мн. от *умудийя*). Несмотря на то, что часто формальные требования в виде, например, числа постоянных жителей такого округа не выполняются, округа все равно получают одобрение властей. Можно предположить, что эта тенденция является отражением общей, направляемой из Хартума политики. В преддверии запланированных на 2009 г. Всеобщих выборов для Национального конгресса было бы вполне естественным стремиться создать в Дарфуре дополнительное число избирательных округов, населенных относительно лояльными арабскими племенами. Естественно, в процессе образования новых административных единиц возможностей для злоупотреблений предостаточно, и далеко не все интересы соседних племен удастся мирно согласовать.

Типичными примерами выливающегося в масштабные столкновения разногласий между арабскими племенами в Дарфуре могут служить взаимоотношения племен салямат – хаббания и таргам – резегат.

Племя салямат относится к арабским племенам, занимающимся разведением верблюдов. Эти племена, обобщая, называют *аббала*, от арабского *ибль* (верблюд), они наиболее многочисленны в Северном Дарфуре. Арабы же *баггара* (от араб. *бакр* - корова), разводящие крупный рогатый скот, живут преимущественно в Южном и Западном Дарфуре. Как и многие другие кочующие со стадами арабские племена, племя салямат расселено по обширной территории как в суданском Дарфуре, так в соседнем Чаде. В Чаде салямат принадлежит племенной округ (*низара*), ряд последних лет племя пыталось добиться того же статуса и от суданских властей в Дарфуре. Однако земель у них для этого оказалось недостаточно. Салямат попытались приобрести дополнительные территории путем захвата традиционных владений племени хаббания *Дар хаббания* (араб. Дом хаббания), но те в союзе с сильным племенем *баггара* бени хальба сумели организовать отпор. В августе 2007 г. в ходе острого десятидневного противостояния погибли около двадцати ополченцев салямат. Племя было вынуждено спасаться бегством, поселения салямат были разграблены и сожжены, а колодцы уничтожены, чтобы племя не смогло вернуться. Этот всплеск межарабского насилия не был случайным или разовым – подобные же столкновения происходили и ранее, особенно в сентябре и октябре 2006 г.²⁴

Другим показательным примером передела территории служит борьба между племенами таргам и северными (*аббала*) резегат. Оба племени на начальной стадии конфликта в Дарфуре поддерживали центральное правительство, но разрешить мирным путем разногласия между ними Хартум не сумел или не захотел. Небольшое арабское племя таргам в течение 60 лет мирно жило бок о бок с фури на их территории и в рамках традиционной системы землепользования фури *хакура*. Вероятно, конечной целью племени таргам была легитимация их земельных прав на племенной округ *низара* путем выстраивания длительных добрососедских отношений с фури. Однако в 2003 г. таргам решили воспользоваться моментом и, присоединившись к сильной стороне – правительству, взять свое силой оружия.

Объединившись с кланами ум джалул и махария племени северные резегат и с другими небольшими арабскими группами, также стремившимися расширить свои владения за счет исконных жителей Дарфура африканцев, таргам выступили против фури. Эти арабские племена действовали в восточной части пла-

то Марра, в районе Кас и столицы Южного Дарфура города Ньяла, вынудив значительное число местных жителей бежать в лагеря. Но с 2007 г., в преддверии прибытия международных миротворцев, между арабскими племенами, прежде всего между турджум и многочисленными и хорошо вооруженными резегат, начался передел захваченных территорий. Два соглашения, заключенные между племенами в 2007 г., оказались нефункциональны. В силовом противостоянии резегат быстро одолели более слабых соперников, таргам даже обвиняли центральное правительство в оказании резегат односторонней поддержки, некоторые таргам даже рассматривали перспективу присоединения к повстанцам²⁵.

Эти два случая межарабского противостояния наиболее заметны, но можно привести и другие примеры. Общий вывод таков, что арабские племена Дарфура перестали быть хотя бы временно единым целым. Некогда влиятельный общеарабский орган власти в Дарфуре – Арабское собрание – растерял свой авторитет. Он не смог остановить насилие между арабскими племенами ни в рассмотренных выше случаях, ни в других. Судя по сложившемуся по итогам 2007 г. положению, у арабских племен нет единых общих целей, у многих растут подозрения, что соседи и соперники смогут приспособиться к новой реальности лучше и быстрее и «выйдут сухими из воды», предоставив оставшимся на старых позициях бывшим соратникам самим оправдываться перед международным сообществом. Шаткость положения и в сложившихся обстоятельствах ненадежность опоры на Хартум подталкивают арабов к поиску новых друзей среди старых врагов.

2.2 Арабы и африканцы Дарфура: динамика взаимоотношений

С самого начала кризиса для сближения позиций правительства и повстанцев, арабских и африканских племен прилагалось очень много усилий, как инициатив местного характера, так и посредничества на региональном и международном уровнях (о международном посредничестве подробнее см. ниже). Никакого значительного и постоянного успеха на этом пути достичь не удалось. Вероятно, налаживание отношений между арабскими и африканскими племенами в Дарфуре было невы-

годно официальному Хартуму, ведь это уменьшило бы его влияние на развитие ситуации в регионе, подорвало бы его негласную роль основного сторонника арабов и в конечном итоге сократило бы социальную базу. Национальный конгресс препятствовал попыткам формирования в Дарфуре объединенных арабо-африканских движений, и заметных союзов подобного рода долгое время не складывалось, хотя предпосылки объединения уже намечались. Из серьезных политических объединений арабских и африканских племен можно назвать только Революционные силы демократического фронта и отделившийся от них Объединенный фронт революционных сил. Следует отметить, что повстанческие группировки также не были активны в выстраивании долговременных союзнических отношений с арабскими племенами: их общей позицией была надежда на то, что с течением времени арабы осознают, что Хартум за их счет добивается собственных целей, и по меньшей мере займут нейтральную позицию в конфликте²⁶.

С течением времени ситуация действительно менялась. Определенным поворотным моментом стало принятие Советом Безопасности ООН 31 августа 2006 г. резолюции 1706, предусматривавшей международную миротворческую операцию в регионе. Этот документ, оказавшийся «мертворожденным» и невыполнимым (подробнее см. в разделе о международном посредничестве), тем не менее стал «первым звонком», определившим общий вектор развития ситуации.

Некоторые арабские племена Дарфура начали осознавать, что даже широкомасштабные военные акции при негласной, но существенной поддержке Хартума не заставят крупные африканские народности, такие как фур или масалит, полностью покинуть районы своего проживания. Еще через год, 31 июля 2007 г., была принята резолюция 1769, определившая сроки развертывания «гибридной» операции ООН – АС и детали ее достаточно сильного мандата. Многим арабским племенам стало ясно, что с Хартумом или без него, но выстраивать политические и социально-экономические отношения с соседями-африканцами придется, и чем быстрее это сделать, тем меньше вероятность оказаться «козлом отпущения» за военные злоупотребления.

С 2006 г. фиксировались отдельные случаи договоренностей между арабскими и африканскими племенами, инициатива которых исходила снизу, без ведома местных администраций и предусматривала по крайней мере нормализацию хозяйствен-

ной жизни. Так, при содействии гуманитарных организаций были начаты и успешно завершены переговоры между арабскими племенами саада, хотийя и гимер района Аль-Гардуд, с одной стороны, и фур плато Марра, с другой. В результате удалось даже восстановить торговый путь с контролируемого фур плато Марра в столицу Южного Дарфура Ньялу. Национальный конгресс стремился дезавуировать подобные договоренности, чтобы не выпускать политический процесс в регионе из-под контроля. Показательным является случай, произошедший в июне 2007 г. Тогда несколько арабских групп Западного Дарфура, как *аббаля*, так и *баккара*, посчитав нецелесообразной одностороннюю опору на Хартум, выдвинули мирную инициативу по восстановлению отношений с фур и масалит. Когда диалог с африканскими племенами начался, арабы в административном порядке информировали Хартум, запросив помощь в организации мирной конференции. Однако в столице их инициативу встретили «в штывы», расценив ее чуть ли не как переход на сторону повстанцев, и попытка завершилась неудачей²⁷.

Непросто складывались отношения арабских племен с их, казалось бы, новым союзником – племенем загава. К племени загава принадлежит Минни Минави, подписавший в мае 2006 г. в Абудже мирное соглашение с правительством. Загава является ядром подконтрольного Минави крыла Суданского освободительного движения/армии. Следовательно, с мая 2006 г. племя приобрело новые возможности, пресловутый административный ресурс, которым активно пользуется в процессе консолидации под своим контролем земельных ресурсов. Загава использовали в борьбе за землю проправительственные формирования СОА, быстро, как и арабские племена, получили на новых территориях необходимый административный статус.

Кроме того, позиции загава укрепляют их связи с соплеменниками в Чаде (Напомним, что из среды загава происходит и президент Чада Идрис Деби.). Усиление и расширение владений загава вызвало не только раздражение многих африканских племен, таких как фур, расценивших подписание соглашения с Хартумом как предательство, но и естественную озабоченность среди арабов, особенно тех племен, чьи земельные владения наиболее ограничены.

Официальный Хартум, также не заинтересованный в чрезмерном усилении загава, претворяя в жизнь в Дарфуре испытанную политику «разделяй и властвуй», искусно сыграл на опа-

сениях арабских племен и фактически изолировал Загава как от возможного союза с арабами, так и от других крупных африканских племен региона – фура и масалит. Загава, добившись в Дарфуре многого, приобрели и много врагов. Можно ожидать, что они будут до последнего сопротивляться возможному восстановлению статус-кво.

2.3 Официальный Хартум в борьбе за лояльность Дарфура

Планы Хартума по сохранению своего влияния в Дарфуре включали в себя и изоляцию крупных африканских племен, прежде всего фура и масалит, от их сородичей в Чаде. Связи с заграничной естественным образом способствовали притоку вооружений, давали африканским племенам относительно безопасный выход на врагов официального Хартума и позволяли вести широкую антиарабскую пропаганду.

В Национальном конгрессе нашли способ если не прервать, то хотя бы сократить плохо контролируемые трансграничные связи. Для официального Хартума решением стало расселение вдоль границы с Чадом лояльных арабских племен. Это, с одной стороны, затруднило бы связи фура и масалит с их зарубежными союзниками, а с другой, облегчило бы контроль за неспокойными приграничными территориями, которые уже не раз становились причиной обострения отношений с Чадом. Напомним, что необходимо учитывать и такой немаловажный фактор, как Всеобщие выборы 2009 г.. Победа Национального конгресса на этих выборах не гарантирована, и потому в Хартуме очень заинтересованы, чтобы население стратегически важных районов Дарфура проголосовало «как надо», в связи с чем демографические изменения в пользу арабского населения оказываются очень своевременными.

По данным неправительственных организаций, которые, отметим, практически невозможно проверить, по разрешению из Хартума «безземельные» арабские кочевые племена Северного Дарфура расселились на землях фура в районах Гари и Коралла, уничтожив поселения фура и в случае с Коралла построив на месте обширного и основательного селения несколько небольших деревень. Схожие процессы шли и в селениях Гарсела, Вади Салех и Кабкабийя. При этом арабские племена сооружали

отнюдь не временные жилища, а постоянные постройки, что требует гораздо более прочной материальной базы и свидетельствует о серьезности намерений. По данным некоторых очевидцев, процесс освоения приграничных территорий арабскими племенами шел при поддержке суданских силовых ведомств. Так, например, по словам местных жителей в подвозе строительных материалов для поселенцев использовались армейские грузовики²⁸.

Также по данным неправительственных организаций, официальный Хартум в борьбе за лояльность старых союзников активно использует и такой фактор первостепенной для Дарфура важности, как снабжение оружием. В условиях активного противостояния арабских и африканских племен оружие поступало в регион в изобилии, причем как с востока, из центрального Судана, так и с запада, из Чада. Однако когда пришло время делить завоеванное и между племенами возникли разногласия, поставки вооружений из Хартума оказались неплохим инструментом влияния. Те из арабских племен, которые пытались найти альтернативу союзу с Национальным конгрессом, просто исключались из списка оружейных поставок и тем самым во взаимоотношениях с соседями оказывались в заведомо проигрышном положении. Альтернативу же оружейным потокам из Хартума для арабских племен Дарфура найти непросто. По словам вождя племени махамид, по состоянию на май 2007 г. получавшего правительственное вооружение, «своими действиями они (руководители Национального конгресса – Е.К.) стремятся уверить, что наши люди остаются сторонниками их партии и не смотрят в других направлениях»²⁹.

Предвыборная стратегия наложила свой отпечаток на действия Хартума в Дарфуре после подписания мирного соглашения в Абудже. Одним из тактических шагов стало учреждение значительного числа новых избирательных округов, связанное с более широким расселением арабских племен и некоторым изменением демографической карты региона. Дополнительные округа с доминированием лояльного арабского населения могут позволить правящей партии Национальный конгресс получить в 2009 г. относительно большее число голосов; кроме того, могут появиться возможности и для дополнительных манипуляций.

В рамках этого курса в штате Северный Дарфур в 2006 г. была создана специальная комиссия для определения новых округов. Комиссия на основании существовавших критериев

численности населения и пр. постановила, что в дополнение к существовавшим на тот момент семи округам можно выделить еще только два. Однако в начале 2007 г., после визита в Северный Дарфур советника президента и заместителя председателя Национального конгресса Нафия Али Нафия в штате были учреждены пять новых округов с арабским населением, в том числе с населением всего в 29 тысяч и 9 тысяч человек.

2.4 Проблема дробления повстанческих группировок

В Дарфуре чуть ли не с самого начала кризиса происходила крайне усложняющая выработку общей позиции повстанцев фрагментация оппозиционных группировок, на сегодняшний день, можно смело сказать, ставшая главным «камнем преткновения» в поиске политического решения конфликта. Процесс дробления движений особенно ускорился после подписания одним из лидеров Суданского освободительного движения/армии (СОД/А) в мае 2006 г. в столице Нигерии Абудже мирного соглашения по Дарфуру (о самом соглашении и борьбе вокруг него подробно см. в разделе Усилия международного сообщества в разрешении кризиса).

Суданское освободительное движение/армия (СОД/А)

Первое, самое крупное и влиятельное из оппозиционных движений Дарфура – СОД/А – формально было образовано в феврале 2003 г. из переименованного Фронта освобождения Дарфура. Движение сложилось как союз крупнейших негроидных племен региона – фур и загава – с включением прочих, менее влиятельных элементов. Противоречивость такого альянса в том, что при наличии на современном этапе общего врага в лице арабских племен между самими фур и загава также имеется множество разногласий. Фур представляют собой стабильное земледельческое сообщество с жесткой иерархией властных структур, в то время как загава – достаточно воинственные кочевники, отношения с которыми у фур всегда были сложными. Соответственно, борьба за власть и возникновение трений внутри СОД/А были фактически неизбежны. К 2004 году каждое из племен вело операции на своей этнической территории, а случаи пересечения сфер влияния даже приводили к столкновениям между фур и загава. Ситуация усугублялась взаимной

неприятностью молодых политиков, выдвинувшихся на первые места в движении – Абдельвахида Мухаммеда Нура (фур) и Минни Аркои Минави (загава).

Минни Аркои Минави постепенно, но целенаправленно и не гнушаясь никакими средствами усиливал свои позиции в СОД/А. В октябре–ноябре 2005 г. на съезде в Хасканите он был избран руководителем движения. Абдельвахид Нур на этой конференции не присутствовал. Другого претендента на лидерство в движении – старого и опытного боевого командира, также выходца из среды загава Адама Бахита – участники съезда, уstraшенные жесткими мерами Минави, не поддержали.

Избрание Минни Минави на съезде в Хасканите руководителем СОД/А предопределило фрагментацию движения. После этой конференции многие недовольные засильем загава лидеры и полевые командиры поддержали Абдельвахида Нура, и с конца 2005 г. уже можно говорить о двух крыльях СОД/А. Подконтрольное Нуру и племени фур крыло контролировало центр Дарфура – горы Марра и некоторые прилегающие районы, а фракция Минави с безусловным доминированием загава господствовала в равнинных районах на севере, востоке и юге Дарфура.

К концу 2005 г. из-под тяжелой руки Минави вышли несколько менее влиятельных полевых командиров Северного Дарфура, в декабре они встретились в селении Каро и сформировали еще одну фракцию СОД/А, которая впоследствии получила название «группы 19».

Таким образом, СОД/А раскололось на несколько отдельных более или менее крупных группировок со своими руководителями. При этом некоторые из этих организаций оказались по сути вооруженными бандформированиями без эффективного политического руководства. Общий политический вес СОД/А из-за этой фрагментации, естественно, снизился, межфракционные противоречия стали серьезным фактором, осложняющим выработку единой позиции по самым актуальным проблемам региона.

Формально ставшее после мая 2006 г. проправительственным формированием, подконтрольное председателю временной переходной администрации Дарфура, старшему помощнику президента Минни Минави крыло СОД/А фактически не изменило свой характер полубандитской группировки. Оно также не отличалось умеренностью и законопослушностью. И после подписания соглашения в Абудже сторонники Минави, как и прочие воо-

руженные группировки, продолжали нападать на конвои неправительственных организаций, агентств ООН, коммерческих организаций. Продолжались угоны автомобилей, случались и убийства. Такая непоследовательность – формальный переход на сторону правительства и при этом прежняя грабительская практика «в поле» - также стала одной из причин потери Минави части своего авторитета и сторонников в Дарфуре. Многие активисты СОД/А рассудили, что если уж продолжать грабить, то лучше в качестве повстанцев, а не на стороне проправительственных «джанджавидов», и примкнули к отколовшимся группировкам или создали свои.

Минави заявлял, что не может воздействовать на многих из своих боевиков. Он даже обвинил международных посредников, убедивших его подписать мирное соглашение, в том числе Африканский союз, в том, что они не могут обеспечить поставки его формированиям и вынуждают боевиков выходить на большую дорогу, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Но голос Минави пропал всуе. Согласно ст. 28 мирного соглашения в Абудже³⁰, поддержка формирований бывших повстанцев со стороны посредников должна была быть оказана после завершения процесса разоружения и интеграции. Однако подконтрольная Минави фракция СОД/А посчитала, что расставаться с оружием в условиях Дарфура нельзя. Правда, несмотря на нежелание бывших повстанцев разоружаться, отдельные поставки сторонникам Минави Африканский союз все же осуществил.

Несмотря на мирный договор, группировка Минави после весны 2006 г. продолжала активно участвовать и в военных действиях в регионе. Ситуация сложилась удивительная – у сторонников Минави случались столкновения даже с регулярными формированиями суданских вооруженных сил, чьими союзниками они должны были выступать. Не были исключением и схватки с ополчениями лояльных Хартуму арабских племен, о чем Минави докладывал в Хартуме, часто обвиняя своих патронов в активной поддержке «джанджавидов».

Нараставшие трения между перебравшимися в столицу активистами СОД/А и суданскими властями в марте 2007 г. вылились в перестрелку, оказавшуюся для суданской столицы самой ожесточенной с августа 2005 г., когда после гибели Джона Гаранга южане два дня громили Хартум. В результате ожесточенного столкновения 24 марта в Омдурмане, по официальным данным, погибли 10 человек.

Причиной случившегося инцидента стало дорожно-транспортное происшествие с участием выходцев из Дарфура – членов СОД. Полиция потребовала выдать двоих участников аварии. Далее версии случившегося расходятся. По словам пресс-секретаря СОД/А Тайиба Хамиса, «члены СОД/А попытались убедить полицейских в том, что конфликт можно разрешить мирным путем, но командир полицейского подразделения отдал приказ открыть огонь». Пресс-секретарь уточнил, что полицейские застрелили восемь человек, а в результате ответного огня бывших повстанцев погибли двое охранников правопорядка.

Начальник полиции Хартума генерал-майор Мухаммед Тайиб подтвердил, что погибли восемь членов СОД/А и двое полицейских. При этом он уточнил, что еще девять сотрудников МВД получили ранения различной степени тяжести. После столкновения более 40 сторонников СОД/А были задержаны.

Глава МВД Судана Зубейр Таха выступил с сообщением об инциденте на телевизионной пресс-конференции. Министр уточнил, что в ходе перестрелки помимо восьми погибших еще семь членов СОД/А были ранены. По его версии, причиной столкновения стало то, что по неизвестным причинам некое гражданское лицо открыло огонь по членам СОД/А, а затем уже вмешалась полиция³¹.

Несмотря на успокаивающие заявления и последовавшие объяснения официальных лиц, происшедшее в Омдурмане 24 марта было очень серьезным и неприятным для обеих сторон инцидентом. Оно явно продемонстрировало и распалило сохраняющуюся неприязнь и готовность активистов СОД/А отстаивать свои интересы с оружием в руках. А воевать выходцы из Дарфура умеют даже на враждебной территории: чего стоят появившиеся в газетах сообщения о том, что 24 марта полицейские для восстановления контроля над ситуацией в центре столичного арабского Омдурмана готовы были вызвать тяжелую бронетехнику, и только личное вмешательство Минави остановило их.

Чтобы сгладить накопившееся недовольство Минави и его сторонников, в Хартуме передали под его контроль один из вновь учрежденных в Дарфуре административных округов. Получив лакомый «кусочек пирога», Минави занялся восстановлением единства рядов своих сторонников, повышением упавшей боеспособности, узкими интересами своего племени загава. Роль марионеточного старшего помощника президента и главы переходной администрации отошла для него далеко на задний план³².

Таким образом, позиции подконтрольного Минави крыла СОД/А в Дарфуре неоднозначны. В глазах большинства оппозиционных группировок Минави и его сторонники, прежде всего племя загава – однозначно проправительственная и, следовательно, враждебная сила. Для правительства же Минави и загава – лишь временные союзники, с которыми в Хартуме будут иметь дело, пока это выгодно. Оказавшись между двух полюсов, Минави попытался продемонстрировать свою независимость и влияние в ходе подготовки переговоров в Сирте (Ливия). Стремясь привлечь внимание международных посредников к своей фигуре, он заявил, что в составе делегации суданского правительства на переговоры не поедет, и потребовал для себя и своего движения отдельной роли. Столь жесткая обособленная позиция не понравилась уже суданскому правительству, и в итоге Минави на неудачную встречу в Сирте так и не попал.

Помимо Минни Минави, к мирному соглашению в Абудже под давлением международных посредников и Хартума позднее присоединились еще два лидера фракций СОД/А – Абдеррахман Муса (СОД/А Свободная воля) и Ибрагим Мадибо (СОД/А Крыло мира). В обмен на лояльность эти руководители небольших фракций получили посты в правительстве, а их сторонники – материальную поддержку и терпимое отношение властей к их бандитским налетам. Однако никакой существенной координации между СОД/А Минави, СОД/А Свободная воля и СОД/А Крыло мира не произошло ни «в поле», ни в политическом плане. Лидеров малых группировок раздражала господствующая роль племени загава в переходной администрации Дарфура, это мешало выстраивать конструктивные отношения³³. Аналогично не произошло сколько-нибудь существенной координации между этими малыми группировками и центральным суданским правительством.

Второе основное крыло СОД/А подчиняется Абдельвахиду Мухаммеду Нуру. Ядро этой фракции состоит из фура плато Марра, прежде всего той его части, которая расположена в Западном Дарфуре. Абдулвахид Нур еще в 2004 г. переехал в Париж и с тех пор показывается в Дарфуре крайне редко, однако это не мешало ему в выступлениях и интервью подчеркивать, что он говорит от лица всего дарфурского народа. Как это ни парадоксально, но несмотря на явное пренебрежение родиной в пользу парижской жизни, Абдельвахид Нур уже на протяжении ряда лет остается фигурой влиятельной и популярной среди жителей Дарфура. Велик его авторитет и среди населения лаге-

рей. Очевидно, одна из причин такой популярности этого лидера – его категорическое нежелание идти на компромисс с властями, в частности жесткое неприятие соглашения в Абудже. В то же время такая крайняя позиция серьезно ограничивает возможности сближения позиций сторон и налаживания переговорного процесса, что проявлялось в ходе всех последних встреч. Абдулвахид Нур их попросту бойкотировал.

В 2006 г. дробление обоих крыльев СОД/А – и Минави, и Нура – резко ускорилося, запутывая политическую карту Дарфура. Весной 2006 г. на завершающей стадии переговоров в Абудже от подконтрольного Абдулвахиду Нуру крыла СОД/А откололась группа из девятнадцати полевых командиров во главе с бывшим заместителем Нура, выходцем из племени масалит Хамисом Абдаллой. Они сформировали так называемую «Группу 19». К этому тогда довольно слабому объединению присоединилось несколько отколовшихся от Минави малых групп, и в конце июня в столице Эритреи Асмэре было подписано соглашение об образовании на базе «Группы 19» новой организации – Фронта национального спасения. Эта группировка, разрозненная в политическом плане, но неплохо координировавшая свои военные планы, предприняла несколько серьезных наступательных акций, в том числе и на непосредственной «арабской» территории, в Кордофанах. Это наступление, хоть и временное, оказалось хорошей демонстрацией силы и серьезно обеспокоило суданский истеблишмент, вызвало широкий отклик в прессе. Однако Фронт достаточно быстро раскололся на отдельные, не связанные друг с другом группы и перестал представлять серьезную угрозу режиму. Хамис Абдалла, возглавлявший «Группу 19», сохранил влияние лишь в Западном Дарфуре, но пользуется также поддержкой и на востоке Чада.

Некоторые формирования, отколовшиеся от «Группы 19», позднее объединились с рядом полевых командиров Минни Минави, недовольных тем, что их подписавший мирное соглашение в Абудже лидер фактически оказался в Хартуме маргиналом, не имеющим существенного влияния на принятие решений даже по своему региону. Полевые командиры увеличили своих бойцов и приверженцев и совместно с осколками «Группы 19» сформировали отдельное движение, получившее название «СОД-Единство». Оно также просуществовало недолго, расколовшись на два крыла, контролируемых Абдаллой Яхьей и Сулейманом Джамусом.

Еще одну не очень значительную фракцию СОД/А возглавил бывший соратник Абдулвахида Нура, отколовшийся от него в июле 2006 г. Ахмед Абдельшафия, фур по происхождению.

Движение за равенство и справедливость (ДРС)

Движение за равенство и справедливость, возглавляемое Халилем Ибрагимом, является наряду с СОД/А старейшим вооруженным оппозиционным движением Дарфура. Также образованное в нынешнем виде в 2003 году, оно очень отличается от СОД/А. Руководство движения имело тесные связи с НИФ ат-Тураби, и недавние слова этого лидера исламистов о том, что он может решить проблему Дарфура «за семь дней»³⁴, связаны, по-видимому, именно с его сохраняющимся некоторым влиянием в ДРС.

Движение контролирует район Тина на границе с Чадом – одно из немногих мест, где иностранные журналисты и сотрудники неправительственных и гуманитарных организаций могут попасть в Дарфур без суданской визы и на территорию, контролируемую повстанцами. Поэтому ДРС удалось установить с заграничной хорошей связью, причем не только информационную. В частности, ДРС получает все необходимое из Чада, в том числе и вооружение.

Первой военной операцией ДРС стало нападение на правительственные позиции в городе Кабкабия в Северном Дарфуре в начале марта 2003 г.. В то время движение насчитывало лишь около 100 бойцов.

ДРС в своей основе является организацией с очень узкой социальной базой. Ее ядром, как и в случае с СОД/А, служит племя загава. Лидер движения Халиль Ибрагим происходит из клана кобе этого племени, традиционно проживающего в упоминавшемся выше районе Тина. Фактор племенного родства является цементирующим элементом движения, повышая его эффективность, но в то же время ограничивает потенциальные размеры организации. Кроме того, племенная замкнутость привела к тому, что, по мнению некоторых исследователей, с течением времени Халиля Ибрагима стали все больше воспринимать лишь как лидера загава, а отнюдь не представителя дарфурской оппозиции³⁵.

В то же время изначальной целью руководства движения при выработке политической платформы – намного более четкой, чем у СОД/А, не говоря уж о прочих группировках, – было

преодоление племенных различий, объединение в своих рядах и африканцев, и арабов Дарфура.

ДРС, так же как и СОД/А, почти с самого начала своего существования столкнулось с опасностью дробления на мелкие группировки. Так, в 2004 г. от движения откололась группа, образовавшая Национальное движение за реформы и развитие. В 2005 г. из состава движения вышел со своими сторонниками один из лидеров, Мухаммед Салех Харба, образовав фракцию ДРС – Революционное полевое командование. Однако эти группы были слабы и незначительны, и на протяжении первых лет конфликта ДРС удавалось избежать центробежных тенденций, характерных для СОД/А. Фрагментации, хоть как-то сравнимой с расколом СОД/А на крылья Минави и Нура, у ДРС не было.

Однако отделение Идриса Азрака стало чувствительной потерей для ДРС. Отколовшись в ноябре 2006 г., он вновь появился на политической арене в августе 2007 г. уже как руководитель Фронта независимости Дарфура. Это движение, хоть и не очень влиятельное, стало первым, озвучившим требование об отделении региона от Судана³⁶. Большинство оппозиционных движений не идет так далеко в своих планах. Основные же из них, прежде всего СОД/А и ДРС, позиционируют себя как общенациональные в масштабах всего Судана движения.

Но самый серьезный кризис в рядах ДРС пришелся на лето и осень 2007 г. Кризис отразил конфликт в руководстве движения. Халил Ибрагим, недовольный независимыми действиями главнокомандующего вооруженными формированиями ДРС Абдаллы Банды, в июле уволил его. В сентябре он продолжил «чистку рядов», уволив своего заместителя Бахара Аbugарду. По-видимому, это второе увольнение стало серьезной ошибкой Халиля. Если в одиночку Абдалла Банда мало что мог противопоставить опытному и общепризнанному руководителю движения, то в союзе с Бахаром Аbugардой он смог составить Халилю Ибрагиму существенную конкуренцию и ослабить его позиции. Им удалось привлечь на свою сторону многих членов ДРС. 4 октября было объявлено о возникновении нового движения, получившего название «ДРС – Коллективное командование». Возглавили группировку Абдалла Банда и Бахар Аbugарда. Это движение заняло очень активную позицию в переговорном процессе. В отличие от Халиля Ибрагима лидеры группы «ДРС – Коллективное командование» приняли участие и во встрече в Джубе, и на открытии переговоров в Сирте.

Глава 3. УСИЛИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В РАЗРЕШЕНИИ КРИЗИСА

Для стабилизации обстановки в западном суданском регионе международное сообщество в лице прежде всего ООН, множества неправительственных организаций³⁷ и дипломатических ведомств западных стран в течение последних лет оказывали на Хартум все возрастающее давление. Суданцев обвиняли в широком использовании в регионе регулярных армейских формирований, а также авиации для бомбардировок позиций повстанцев. При этом от операций правительственных войск страдали преимущественно мирные жители. Западные дипломаты и общественники настаивали на разоружении отрядов «джанджавидов». Режим Омара аль-Башира, в свою очередь, делал упор на то, что конфликт в Дарфуре является внутренним делом Судана и столь пристальное внимание к нему международного сообщества и его стремление оказать содействие в решении кризиса можно расценивать как нарушение государственного суверенитета.

Поиск международным сообществом путей решения кризиса велся двумя основными путями. Первые переговоры по урегулированию конфликта в Дарфуре прошли при посредничестве президента Чада Идриса Деби в местечке Абече (Чад). Как упоминалось выше, в результате 3 сентября 2003 г. между правительством Судана и Суданским освободительным движением/армией (СОД/А) было заключено соглашение о прекращении огня. Второй раунд переговоров между ними состоялся там же 4 ноября 2003 г., стороны договорились продлить срок действия соглашения о прекращении огня еще на месяц и содействовать оказанию гуманитарной помощи населению. После подписания соглашения о прекращении огня столкновения между боевиками СОД/А и правительственными войсками практически прекратились. Однако активизировали свою деятельность «джанджавиды», которые нападали на племена, лояльные Суданскому освободительному движению/армии и вто-

рой крупной группировке дарфурских повстанцев – Движению за равенство и справедливость (ДРС). Попытка провести еще один раунд переговоров между СОД/А и правительством в декабре 2003 г. успехом не увенчалась.

Стало ясно, что Чад в одиночку не сможет обеспечить прогресс на переговорах, в связи с чем активную посредническую миссию после консультаций в Нджамене и в Хартуме начал Африканский союз (АС). Несмотря на значительные усилия АС и президента Чада Идриса Деби, а также подключившихся к ним представителей ООН, США и ЕС, усадить за один стол переговоров СОД/А, ДРС и делегацию правительства Судана удалось только в начале апреля 2004 г. в столице Чада Нджамене.

В результате переговоров уже 8 апреля было подписано соглашение о «Гуманитарном прекращении огня в конфликте в Дарфуре»³⁸. Этот документ заложил основы переговорного процесса. В соответствии с ним стороны договорились прекратить огонь на 45 дней. По взаимному согласию участников срок прекращения огня автоматически продлевался. Одной из целей соглашения являлось обеспечение доступа гуманитарной помощи к пострадавшему населению Дарфура. Провозглашалась также задача поиска справедливых путей решения кризиса на долговременной основе. В соглашении оговаривались обязательства официального Хартума нейтрализовать отряды «джанджавид», однако о вооруженных формированиях СОД/А и ДРС в договоре не говорилось. Успехом переговоров являлось закрепленное в соглашении решение о создании Комиссии по контролю за прекращением огня Африканского союза с участием наблюдателей от АС и международного сообщества, а также Совместной комиссии, которая по докладам Комиссии по прекращению огня должна была расследовать случаи нарушения перемирия. Эти две комиссии планировалось сформировать на дополнительных переговорах. Характерно, что соглашение обязывало правительство Судана нейтрализовать отряды «джанджавид», в то же время в нем ничего не говорилось о вооруженных формированиях СОД/А и ДРС. Документ сопровождался Протоколом о гуманитарной помощи в Дарфуре, который устанавливал основные принципы и мероприятия по ее осуществлению. Благодаря соглашению в дальнейшем стали возможны и переговоры о развертывании в Дарфуре группы военных наблюдателей от Африканского союза, затем развившейся в Миссию Африканского союза в Судане.

Несмотря на прогресс на переговорах в Нджамене, под давлением США Комиссия ООН по правам человека 20 апреля 2004 г. выдвинула новые обвинения в адрес суданского руководства. Выступая на 60-й сессии Комиссии в Женеве, Верховный комиссар обвинил правительство Судана в проведении политики расовой дискриминации в отношении негроидного населения Дарфура.

В этой обстановке 25 апреля 2004 г. в Нджамене руководители СОД/А и ДРС в присутствии представителей ООН, АС и чадского посредника подписали соглашение, предусматривающее проведение конференции по Дарфуру с участием всех политических сил этого региона. В нем же суданское правительство вновь призывалось обеспечить разоружение отрядов «джанджавид». Представителем режима Омара аль-Башира соглашение подписано не было.

Тогда же, в конце апреля 2004 г. Африканский союз распространил заявление, в котором оговаривались условия возможного размещения своего миротворческого контингента в Дарфуре. В качестве условий АС потребовал неучастия в миссии миротворцев от других организаций, завершения мирных переговоров между правительством и повстанцами и поддержки своих миротворческих усилий со стороны ООН, ЕС и США. Одновременно Африканский союз предпринял шаги по налаживанию взаимодействия с суданским режимом. Так, после визита делегации АС в Дарфур был распространен ее пресс-релиз, в котором обвинения в адрес Хартума в проведении политики расовой дискриминации названы «беспочвенными».

Столь активное и гибкое участие Африканского союза в переговорном процессе привело к тому, что уже 28 мая 2004 г. в Аддис-Абебе с участниками конфликта удалось подписать «Соглашение о составе штата Комиссии по контролю за прекращением огня и размещении наблюдателей в Дарфуре». По этому соглашению Совместная комиссия, действующая на основе консенсуса, включала в себя уполномоченных правительства Судана, Африканского союза, Соединенных Штатов, Евросоюза и Чада, а также двух крупнейших оппозиционных группировок Дарфура – Суданского освободительного движения/армии и Движения за равенство и справедливость. Председатель комиссии избирался Африканским союзом из числа делегатов стран-членов этой организации. Представителям ООН и основных государств-доноров предоставлялось право участвовать в работе

Совместной комиссии в качестве наблюдателей. Председатель Комиссии по прекращению огня назначался из Африканского союза, его заместитель из Евросоюза, в комиссию также входили представители суданского правительства, СОД/А и ДРС. Силы Комиссии в количестве 270 человек размещались в пяти населенных пунктах Дарфура и в местечке Абече в Чаде, штаб-квартира офиса по связи - в Хартуме. Развертывание всего штата Комиссии в Судане и Чаде планировалось осуществить в течение 42 дней с момента подписания соглашения.

4 июня в Хартуме между правительством Судана и представителем АС было подписано «Соглашение о статусе миссии», которое определяло условия пребывания и деятельности африканских миротворцев в Судане. На церемонии подписания соглашения присутствовали представители США и Евросоюза. Оно положило начало операции Миссии Африканского Союза в Судане (МАСС).

В начале августа 2004 г. АС объявил о намерении увеличить численность своей миссии в Дарфуре до двух тысяч миротворцев, однако суданское руководство в этот период не дало на это согласия, заявив, что необходимость увеличивать воинский контингент МАСС в Дарфуре отсутствует. Одновременно госминистр по иностранным делам Судана Тиджани Салех Федаиль высказал готовность правительства к переговорам с вооруженными формированиями Дарфура без предварительных условий.

С целью подготовки очередного раунда переговоров между повстанцами и правительством Африканский союз организовал неофициальные контакты между ними в г.Сирт (Ливия). Одновременно велась работа с суданцами в Аддис-Абебе, что позволило добиться принципиального согласия Хартума на увеличение военного контингента МАСС в Дарфуре для защиты международных наблюдателей, о чем объявил посол Судана в Эфиопии. Решение режима Омара аль-Башира пойти на увеличение количества миротворцев Африканского союза в Дарфуре вновь было озвучено суданской делегацией на переговорах с СОД/А и ДРС в Абудже, очередной раунд которых начался в столице Нигерии 23 августа 2004 г. Однако в связи с разногласиями между СОД/А и ДРС, а также внутри этих формирований переговоры закончились безрезультатно и были приостановлены 17 сентября 2004 г. с условием возможного возобновления через месяц.

В этот период только четкая позиция Африканского союза и его председателя Олусегуна Обасанджо, а также России, Китая, Алжира и Пакистана позволила Судану, занявшему по миротворчеству довольно жесткую позицию, избежать международных санкций, на введении которых настаивали США и отдельные страны Евросоюза.

Таким образом, 2004 год положил начало африканскому миротворчеству в Дарфуре. Как показало время, оно было не слишком эффективным, постоянно сталкивалось с нехваткой финансирования и не имело технических возможностей для масштабной деятельности в регионе. Тем не менее оно стало важнейшим этапом участия международных посредников в мирном процессе в Дарфуре.

Ключевым событием, запустившим процесс широкого международного посредничества, стало принятие 11 июня 2004 г. Советом Безопасности ООН Резолюции 1547. В этом документе Совбез, в частности, «приветствовал предложение Генерального секретаря послать на первоначальный срок в три месяца под руководством Специального представителя Генерального секретаря передовую группу ООН в Судане в качестве специальной политической миссии, задачей которой была бы подготовка международного мониторинга» (S/RES/1547 (2004)).

Между тем 2005 год с точки зрения международного участия в проблемах страны оказался еще более значимым для Судана в целом, а в перспективе и для Дарфура. В соответствии с Резолюцией 1590 Совбеза ООН от 24 марта 2005 г.³⁹ в Дарфуре была развернута Миссия ООН в Судане (МООНС/UNMIS), которая быстро стала важнейшим инструментом давления международного сообщества на официальный Хартум. Однако при том, что МООНС была с самого начала многочисленна и имела свои рычаги давления на суданское правительство, в вопросе Дарфура ее голос был относительно слаб. Миссия ООН в Судане разворачивалась для мониторинга выполнения Всеобъемлющего мирного соглашения от 9 января 2005 г. между Национальным конгрессом и Суданским народно-освободительным движением/армией, и многочисленные прочие вопросы (Дарфур, в частности) находились вне рамок ее полномочий. В дипломатической борьбе за расширение мандата МООНС на Дарфур, что серьезно сократило бы возможности Хартума контролировать происходящее в регионе, было сломано немало копий.

29 марта 2005 г. СБ ООН принял резолюцию 1591 (Россия в ходе голосования по ней воздержалась), в которой содержится положение о распространении на правительство Судана ранее введенного (резолюция 1556 от 30 июля 2004 г., запретившая поставки вооружений противоборствующим дарфурским группировкам) эмбарго на поставки вооружений в Дарфур, а 31 марта 2005 г. – поддержанную Россией резолюцию 1593 о передаче в Международный уголовный суд дел о нарушениях в Дарфуре прав человека.

Международное сообщество приложило немало усилий в налаживании переговорного процесса между правительством Судана и политической оппозицией Дарфура. Первыми и, по состоянию на конец 2007 г., хронологически самыми длительными были переговоры между правительством и повстанцами в столице Нигерии Абудже. Семь раундов этих переговоров регулярно проходили в течение двух лет, с апреля 2004 г. по май 2006 г., при активном посредничестве Африканского союза, США и ЕС. В них принимали участие делегации официального Хартума и представители двух самых влиятельных вооруженных движений Дарфура – Суданского освободительного движения/армии (СОД/А) и Движения за равенство и справедливость (ДРС). Переговоры характеризовались неготовностью сторон к компромиссу, ситуация усугублялась расколом в рядах СОД/А и конкуренцией между лидерами двух фракций движения, а также тем, что помимо СОД/А и ДРС в Дарфуре уже тогда существовало множество других вооруженных группировок, которым, конечно, не нравилось то, что их мнением никто не интересовался. Имелось множество разногласий и противоречивых устремлений и внутри самих СОД/А и ДРС.

В июле 2005 г. удалось добиться подписания Декларации о принципах разрешения конфликта в Дарфуре. В 17 пунктах этого документа были оговорены рамки переговоров о разделе властных полномочий и финансового контроля между центральным правительством Судана, СОД/А и ДРС в рамках более широкого урегулирования в регионе. Оговаривались и вопросы безопасности для возвращения ВПЛ и беженцев в места своего обычного проживания⁴⁰. На этом этапе позитивная динамика в переговорном процессе была нарушена гибелью в авиакатастрофе лидера южан Джона Гаранга, откликнувшейся серьезными волнениями по всей стране.

В целом переговоры в Абудже проходили крайне непросто, в течение двух лет неоднократно переносились и откладывались. Возможно, определенную роль в затягивании переговоров сыграл и такой, казалось бы, не имеющий отношения к делу фактор, как контраст между песками Дарфура и столичным городом. Но лидеры повстанцев, выбравшись из пустыни, за счет посредников разместились с женами, родней и помощниками в лучших гостиницах Абуджи. Можно было понять их нежелание форсировать переговорный процесс.

3.1 Дарфур и внутренняя борьба в суданском руководстве

Интересна и имевшая место во время переговоров в Абудже тенденция к поляризации суданской политической элиты, особенно проявившаяся при выработке официальной политики Хартума в отношении Дарфура. В суданском истеблишменте, раздираемом противоречиями между устремлениями различных политиков, во время переговоров в Абудже ярко проявились два лагеря. Первый – сторонников жесткого курса в отношении Дарфура и жесткой реакции на давление с Запада, и второй – более прагматичных политиков. Сторонники жесткого курса в рядах сегодняшнего суданского руководства – это сам президент Омар аль-Башир, его основной политический советник и заместитель председателя НК Нафия Али Нафия, советник президента по парламентским вопросам Гази Салахаддин, министр по вопросам президентства Бакри Хасан Салех. До своей гибели в авткатастрофе в 2007 г. к этой партии примыкал и Махджуб аль-Халифа, основной правительственный переговорщик по Дарфуру. Прагматики в рядах арабосуданского руководства – вице-президент Али Осман Мухаммед Таха, курировавший переговоры с южанами, его сподвижники по переговорам в Найваше, глава разведки Салах Гош, в некоторой степени и очень влиятельный министр энергетики Авад аль-Джаз.

Как отмечали эксперты Миссии ООН в Судане нарастание влияния в правящей партии сторонников жесткого курса получило выражение, в частности, в том, что достигнутое в мае 2006 г. в Абудже Дарфурское мирное соглашение носило такую форму, что не было подписано большинством оппозиционных группировок, ужесточило позицию суданского правительства в отноше-

нии размещения в Дарфуре международных миротворческих сил, а также ослабило взаимодействие официального Хартума с руководством МООНС.

Еще более расколол суданскую элиту и вопрос о введении в Дарфур международного миротворческого контингента. При выработке позиции по отношению к этой угрозе проявилась разность взглядов двух лагерей. Учитывая общее неприятие в обществе давления со стороны Запада, и прежде всего США, этот факт сыграл на руку сторонникам жесткой политики. Таха, заявив о том, что международные войска в Дарфуре возможны «только после проведения успешных переговоров о мире», проиграл битву за умы народа более жестким политикам, подчеркивавшим недопустимость «неоколониализма» и «новых крестовых походов». Образность этих лозунгов и сила их воздействия на суданские массы не шли ни в какое сравнение со взвешенными доводами Тахи и его сторонников.

На сегодняшний день, Али Таха как лидер группировки прагматиков позиционирует себя как сторонник диалога с мировым сообществом, способный найти компромисс по основным острым вопросам, в том числе и по Дарфуру, что подтверждается его ореолом успешного переговорщика с южанами. Повидимому, в такой позиции прослеживаются далеко идущие амбиции, что также стало одной из причин охлаждения отношений Али Тахи и Омара аль-Башира.

Сам Омар аль-Башир как руководитель сторонников жесткого курса заботится прежде всего о сохранении за собой поста президента страны. Но не будучи столь умелым политиком, как Таха, аль-Башир не смог выстроить такие же конструктивные отношения с международным сообществом. Президент жестко отстаивает тезис о «внешнем заговоре» против Судана, что позволяет ему встать в позу борца за свободу народа, борца с происками неоколониалистов. Такую его позицию поддерживает большинство его министров и сподвижников. Таким образом, Омар аль-Башир придерживается курса на постепенную изоляцию Тахи, отстранение его от дел на внешней арене.

В таком контексте события вокруг конфликта в Дарфуре можно рассматривать уже не только как борьбу режима за выживание, но и как борьбу отдельных суданских политиков за место на вершине «политического Олимпа». Такое изменение в отношении можно связать с обвинением некоторых суданских политиков в преступлениях против человечности со стороны

Международного уголовного суда. Эти обвинения, создавшие режиму определенный образ «тонущего корабля», еще более накалили отношения в среде суданского руководства, обострили личное соперничество на фоне Дарфурского кризиса.

3.2 Дарфурское мирное соглашение от 5 мая 2006 г.

Затянувшиеся переговоры в Абудже привели к тому, что весной 2006 г. терпение посредников подошло к концу. Африканский союз объявил 30 апреля последним сроком для достижения договоренностей. Активизировался и Государственный департамент США, его решительный курс на плодотворное и срочное завершение переговоров оказался решающим. 5 мая 2006 г. седьмой раунд переговоров в Абудже подошел к концу: в обстановке жесткого международного давления один из лидеров СОД/А Минни Аркои Минави от лица своего крыла движения подписал с суданской правительственной делегацией, возглавляемой советником президента Маджзубом аль-Халифой, мирное соглашение⁴¹. Представитель ДРС Халиль Ибрагим и лидер второго крыла СОД/А Абдельвахид Мухаммед Нур подписывать документ отказались⁴².

В соответствии с достигнутыми договоренностями подписавший соглашение Минни Аркои Минави, фактически полевой командир с минимальным политическим опытом, был назначен старшим помощником президента Судана. Таким образом, структура высшего эшелона руководства страны еще более усложнилась. Как известно, пост первого вице-президента правительства национального единства⁴³ после подписания 9 января 2005 г. Всеобъемлющего мирного соглашения занял председатель правительства Южного Судана Сальва Кир Маярдит, пост вице-президента – давний соратник Омара Хасана аль-Башира Али Ибрагим Таха, для представителя Дарфура был создан пост старшего помощника президента. Подобная тенденция позволяла предположить, что впоследствии подобный пост может быть создан и для представителя востока страны⁴⁴.

Чуть ли не с первых недель существования мирного договора, подписанного в Абудже 5 мая и затем расширенного в Аддис-Абебе 8 июня, стало ясно, что решить все проблемы противостояния в Дарфуре в рамках этого документа невозможно. Ситуация в регионе оставалась крайне напряженной, перспек-

тивы полной реализации Дарфурского мирного соглашения и реальной стабилизации обстановки были довольно туманны. Текст соглашения был детально проработан, он насчитывал 114 страниц, включал в себя 33 главы и 515 параграфов. Договор состоял из 6 основных разделов, в каждом из которых регулировался определенный блок вопросов: раздел властных полномочий; раздел материальных ресурсов; полное прекращение огня и окончательное обеспечение безопасности; диалог Дарфур – Дарфур; общие положения и принципы; модальности и сроки реализации договоренностей.

В разделе соглашения, определявшем раздел властных полномочий, предусматривалось, что представитель повстанцев займет пост четвертого лица в правительстве национального единства – старшего помощника президента страны, который одновременно будет являться председателем формируемой переходной местной администрации Дарфура и представителем Дарфура в президентской администрации. На переходную администрацию должна была быть возложена функция контроля за реализацией соглашения. Кроме того, согласно документу, в Национальной ассамблее интересы повстанцев стали представлять 12 депутатов (по квоте Северного Судана), а в законодательных собраниях трех дарфурских штатов – по 21 депутату. Из числа представителей повстанческих группировок должен был быть назначен один из губернаторов дарфурских штатов и два заместителя губернатора. Соглашение также гарантировало, что представители повстанцев займут ряд ключевых постов в местных правительствах штатов. В соглашении предусматривалось, что до июля 2010 г. в Дарфуре должен быть проведен референдум, на котором его жителям нужно будет решить, сохранится ли нынешняя административная структура Дарфура (три штата) или они будут объединены в один регион.

Разделом соглашения о полном прекращении огня и окончательном обеспечении безопасности предусматривалось полное разоружение отрядов «джанджавид» до начала декабря 2006 г.; установление ограничений на передвижения народных сил обороны; формирование буферных зон вокруг лагерей временно перемещенных лиц, закрытых для доступа отрядов повстанцев и подразделений армии Судана; интеграция сил повстанцев в вооруженные силы Судана (в состав вооруженных сил войдут до пяти тысяч повстанцев).

В блоке экономических вопросов, рассмотренных в части соглашения, посвященном разделу материальных ресурсов, говорилось о создании специального фонда развития и реконструкции Дарфура. Правительство брало на себя обязательство выделить на эти цели первоначально 300 млн. долл. США, а затем еще 200 млн. долл. США в течение двух лет. Предусматривалось создание Объединенной оценочной миссии – по модели, созданной на основании Всеобъемлющего мирного соглашения между севером и югом страны, которая и призвана была определить конкретные шаги по восстановлению региона. В соглашении содержался призыв к международному сообществу провести конференцию доноров по Дарфуру, на которой председатель переходной местной администрации представил бы обзор первоочередных задач и потребностей региона. Кроме того, предусматривалось создание совместной с ООН комиссии, в задачи которой будет входить помощь в возвращении беженцев и временно перемещенных лиц в места своего постоянного проживания, а также еще нескольких специализированных комиссий. Что касается конкретно беженцев и временно перемещенных лиц, то для обеспечения доставки продовольствия, медикаментов и всего необходимого в лагеря беженцев и пострадавших от боевых действий в изолированные районы договор подразумевал создание «коридоров гуманитарной безопасности». Был создан компенсационный фонд для пострадавших от боевых действий, но его объем составил лишь 30 млн. долл., то есть около 12 долл. на человека. При этом не были четко прописаны механизмы использования этих денег, этот вопрос был оставлен в ведении региональных переходных властей Дарфура. Такой подход оставил широкие возможности для нецелевого использования средств.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что несмотря на определенный успех, закрепленный в тексте соглашения, повстанцам так и не удалось добиться административного объединения Дарфура, который был разделен на три штата (Север, Юг и Запад Дарфура) еще в 1994 году. Сохранение существующего административного статуса, а не объединения трех штатов в единый регион можно считать дипломатической победой официального Хартума. В состав каждой из региональных ассамблей трех штатов, которые насчитывают по 45 членов, вошли по 15 представителей повстанцев. Правда, как упоминалось выше, повстанцам удалось добиться права назначать губернатора одного

из штатов, а также предусмотреть проведение в 2010 г. референдума об административном объединении Дарфура.

Несмотря на подписанное в Абудже соглашение, положение в Дарфуре во второй половине 2006 г. и первой половине 2007 г. оставалось по-прежнему тревожным. «Неподписанты» соглашения – Движение за равенство и справедливость во главе с Халилем Ибрагимом, руководимое Абдельвахидом Мухаммедом Нуром крыло СОД/А и множество мелких вооруженных группировок и просто банд оставались сильнейшим дестабилизирующим фактором обстановки в регионе. С краткими перерывами продолжались нападения на временно перемещенных лиц, колонны и отдельные грузовики Миссии Африканского союза, постоянно случались межплеменные столкновения с жертвами, число которых иногда исчислялось сотнями. Появившиеся почти сразу серьезные сомнения в реалистичности мирного договора, подписанного лишь с одной фракцией одного, пусть и самого влиятельного, движения, быстро подтвердились. Уже в начале сентября 2006 г. ДРС опубликовало открытое письмо к Дж.Бушу, в котором однозначно заявлялось о том, что Дарфурское мирное соглашение не функционирует, в письме содержался призыв к введению в регион международных войск как единственному средству стабилизации обстановки.

По прошествии почти двух лет со дня подписания Мирного договора по Дарфуру можно сделать вывод, что связанные с ним надежды на стабилизацию обстановки в Дарфуре себя не оправдали. За прошедшее время ситуация в западном суданском регионе не только не улучшилась, но, наоборот, в целом стала более тревожной. Несмотря на сокращение прямых вооруженных столкновений между правительственными войсками и повстанческими группировками, общая обстановка в сфере безопасности в Дарфуре ухудшилась.

Авторитет подконтрольного Минни Минави крыла СОД/А, после мая 2006 г. облаченного ореолом власти, в регионе сокращался. Сподвижники Минави – обычно соплеменники-загава – для расширения своего экономического влияния вовсю использовали приобретенные административные рычаги. Плохо складывались и отношения между Минни Минави и суданским руководством. Несмотря на формальное включение в ряды политического истеблишмента страны, ради чего он поступился обликом борца за свободу Дарфура, Минави фактически оказался изолированной фигурой, к мнению которого в Хартуме мало кто

прислушивался. Серьезного влияния на выработку решений по Дарфуру Минави так и не получил.

В апреле 2007 г., пытаясь продемонстрировать работоспособность мирных договоренностей, суданцы в торжественной обстановке запустили переходную дарфурскую администрацию, которую возглавил Минни Минави. Однако этот орган оказался обделен реальной властью, и изменить что-то «на местах» ему так и не удалось. Исправить картину провала мирного соглашения уже не получилось.

Весной 2007 г. стало ясно, что Абуджийское мирное соглашение зашло в тупик и почти никто уже не воспринимает его всерьез. Перед международным сообществом вновь встала задача поиска такой формы переговоров между повстанцами и правительством, формат которой устроил бы обе стороны и позволил прийти к некоторому, хотя бы временному, компромиссу.

Естественно, никто не хотел повторять старых ошибок. Первоначальной задачей стала выработка общей переговорной позиции повстанцев, которую можно было бы обсуждать. Этой задаче была посвящена встреча представителей восьми оппозиционных группировок региона в г.Аруша (Танзания).

Подготовка и проведение нового раунда переговоров между оппозиционными движениями региона и при посредничестве ООН и АС в г.Сирт (Ливия) вновь продемонстрировало неспособность дарфурских лидеров прийти даже к предварительной договоренности об общем участии во встрече.

3.3 Международное миротворчество в Дарфуре: начало

За последние два года на первоочередную повестку дня вышел еще один аспект стабилизации обстановки в Дарфуре – вопрос постепенного «перехода» от относительно малочисленной и малоэффективной Миссии Африканского союза в Судане (МАСС/AMIS) к широкомасштабной операции ООН.

МАСС в своей деятельности в Дарфуре постоянно сталкивалась с проблемами финансирования и снабжения. Личному составу задерживали выплаты, не хватало автомобилей, случались перебои с поставками предметов первой необходимости. Соответственно, и мотивировка к эффективной работе миссии была незначительной, патрулирование конфликтных районов

становилось все более формальным. Афромиротворцы в Дарфуре оказались в таком положении, что смирились – хотя, возможно, и невынужденно – с существованием обширных контролируемых повстанцами или просто бандформированиями районов, куда заезжать опасно для жизни.

Повысить эффективность деятельности своих миротворцев в Дарфуре у Африканского союза не получалось: не хватало ни сил, ни средств. 12 января 2006 г. на 45-м заседании Совета мира и безопасности Африканского союза было принято чрезвычайно важное для развития ситуации вокруг Дарфура решение. На заседании была выражена «принципиальная поддержка переходу от Миссии АС в Судане (МАСС) к операции ООН в рамках партнерства между АС и ООН по содействию установлению мира, безопасности и стабильности в Африке»⁴⁵. На встрече было также принято решение провести заседание Совета мира и безопасности на министерском уровне, на котором окончательно решить вопрос о «переходе» операции в Дарфуре под контроль ООН.

После того, как 1 февраля 2006 г. Постоянный представитель США при ООН Джон Болтон занял кресло председателя Совбеза ООН, американцы приложили значительные усилия для скорейшего прорыва в решении вопроса «перехода» от МАСС к операции ООН. Инициатива исходила от американских сенаторов. 30 января более 30 из них – как демократов, так и республиканцев – направили Джорджу Бушу послание о необходимости принять меры для прекращения «геноцида» в Дарфуре. В письме сенаторы подчеркивали, что мир и стабильность в регионе находятся в сфере стратегических интересов США, отмечалась важность использования месяца председательства в Совбезе для ускорения «перехода» к миссии ООН.

Результаты столь активной позиции американских законодателей появились очень быстро. Уже в заявлении председателя Совбеза ООН от 3 февраля говорилось, что Совет Безопасности «предлагает Генеральному секретарю совместно с Африканским союзом и на основе тесных и постоянных консультаций с Советом Безопасности и в сотрудничестве с участниками мирных переговоров в Абудже, включая Правительство национального единства, незамедлительно приступить к разработке планов на случай чрезвычайных обстоятельств с учетом целого ряда вариантов возможного перехода от МАСС к операции Организации Объединенных Наций»⁴⁶.

В период своего председательствования в Совбезе ООН американцы стремились закрепить успех и добиться принятия резолюции Совбеза о направлении в Дарфур международного контингента до окончательного решения этого вопроса Советом мира и безопасности Африканского союза. Джон Болтон представил в Совбез ООН элементы проекта резолюции. Но в силу позиции, занятой Россией, Китаем и некоторыми арабскими и африканскими странами, усилия американцев не увенчались успехом.

Позиция руководства Африканского союза по вопросу «перехода» также проявилась очень быстро; вероятно, свою роль сыграло авторитетное мнение из-за океана. Уже в четверг 2 февраля на пресс-конференции в штаб-квартире МАСС в Хартуме тогдашний Спецпредставитель председателя Комиссии Африканского союза, глава МАСС Баба Гана Кингибе (Нигерия) заявил, что все миротворческие операции Африканского союза, «будь то в Бурунди или в другой стране», в итоге передавались ООН. Он подчеркнул, что нужно быть готовыми к тому, что в перспективе МАСС также передаст свои полномочия ООН. Вместе с тем Баба Гана Кингибе призвал международное сообщество принять срочные меры для того, чтобы убедить суданское правительство разоружить «опустошающие» Дарфур арабские отряды «джанджавид». Баба Гана Кингибе заявил, что ситуация в Дарфуре стремительно ухудшается, и призвал враждующие стороны ради успеха переговоров в Абудже прекратить акты агрессии по отношению друг к другу и гуманитарным организациям⁴⁷.

Позиция суданского правительства по вопросу «перехода» изначально была не совсем ясна, так как в январе, когда было принято принципиальное решение Совета мира и безопасности Африканского союза, основное внимание официального Хартума было приковано к борьбе за пост Председателя АС в ходе VI Ассамблеи глав государств и правительств Африканского союза, проходившей в Хартуме 22-24 января 2006 г. Официальные и однозначные заявления суданского руководства по вопросу о «переходе» прозвучали лишь 22 февраля, когда суданский парламент высказался против развертывания в Дарфуре международных сил. Глава МИД Судана Лам Аколь, выступая на решающем заседании парламента, заявил, что присутствие международного контингента в Дарфуре будет воспринято населением неадекватно, вызовет конфронтацию и лишь усугубит об-

становку в регионе. Министр отметил, что ввод в регион международных войск также станет «ударом для Африканского союза, так как будет воспринят как неспособность союза разрешать конфликты»⁴⁸.

После обнародования этих заявлений последовала спровоцированная серия выступлений различных официальных и общественных деятелей, позволившая четко определить крайне негативную позицию правящего суданского режима по вопросу «перехода»⁴⁹.

После подписания Дарфурского мирного соглашения позиция суданского правительства по вопросу перехода от МАСС к операции ООН стала меняться на более лояльную. Уже 6 мая 2006 г., на следующий день после подписания соглашения, представитель правительства, генеральный секретарь Министерства информации по связям с общественностью Бакри Мулла заявил, что теперь Хартум будет только приветствовать появление ооновских миротворцев в Дарфуре: «Мы слышали призыв Генерального секретаря [к миротворцам ООН присоединиться к военному компоненту МАСС – Е.К.]. Теперь ничто этому не препятствует», - заявил чиновник⁵⁰. Однако его мнение, как выяснилось, не отражало позиции руководства.

31 августа 2006 г. в условиях непрекращающегося давления на официальный Хартум, не дающий своего согласия на размещение в Дарфуре международного воинского контингента, и при отсутствии на заседании представителей Судана Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1706, основанную на англо-американском проекте. Однако в текст документа были внесены неоднозначные, плохо проработанные поправки. В частности, в ключевом параграфе 1 резолюции говорится, что члены Совбеза «приглашают» правительство Судана дать свое согласие на развертывание миротворцев. Такая формулировка оставляла много возможностей для разнообразных трактовок, что и произошло незамедлительно. Американцы настаивали на том, что эта формулировка текста резолюции подразумевает, что она обязательна к выполнению, а суданцы и их союзники говорили об обратном, подчеркивая тезис о свободе воли официального Хартума.

В итоге резолюция 1706 не получила реального воплощения в жизнь, оказавшись «мертворожденной», а режим Омара аль-Башира создал прецедент в истории ООН, своим упорным сопротивлением вынудив перерабатывать резолюцию Совбеза.

В результате ООН была вынуждена выдвинуть промежуточное предложение, и в конце 2006 г. на повестке дня появился «трехфазный план» помощи МАСС со стороны ООН.

План, как следует из его названия, включал в себя три основных этапа. Первый – так называемый «легкий» пакет поддержки, второй – «тяжелый» пакет, и третий – создание «гибридных сил» ООН и Африканского союза. Первый и второй этапы подразумевали постепенное укрепление МАСС за счет сил и средств ООН и получили согласие суданского правительства относительно легко. Третий же этап, подразумевавший интеграцию африканских и международных миротворцев, естественно, вызывал недовольство суданских властей. Для того, чтобы получить их согласие на реализацию последней фазы плана, понадобилось много дипломатических усилий. Определенную роль сыграло и заявление председателя на встрече «Группы восьми» в г.Потсдам от 30 мая 2007 г., в котором освещалась и суданская проблематика. В этом документе «Группа восьми» осудила бомбардировки Дарфура с воздуха, призвала правительство Судана дать свое согласие на развертывание «гибридных» сил. Однозначная в данном случае позиция ведущих мировых держав не осталась для суданцев незамеченной.

12 июня 2007 г. на встрече представителей ООН, Африканского союза и правительства Судана в штаб-квартире Африканского союза в Аддис-Абебе удалось достигнуть соглашения, по которому официальный Хартум в лице заместителя министра иностранных дел Мутрифа Сиддыка согласился на смешанную операцию ООН – Африканского союза. После этого начал разрабатываться проект новой резолюции по Судану, и в итоге почти через год после резолюции 1706 появилась Резолюция Совета ООН 1769.

3.4 Резолюция СБ ООН 1769 и ЮНАМИД: важнейший этап мирного урегулирования в Дарфуре

В самом конце июля 2007 г. произошло событие, имеющее ключевое значение для развития обстановки в Дарфуре и вокруг нее. После нескольких переработок проектов Совет Безопасности ООН 31 июля единогласно принял Резолюцию 1769⁵¹, санкционировавшую «создание на первоначальный период в 12 месяцев смешанной операции Африканского союза/Организации Объеди-

ненных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД)». При этом в тексте документа указывается, что «мандат ЮНАМИД будет таким, как он изложен в пунктах 54 и 55 доклада Генерального секретаря и Председателя Комиссии Африканского союза от 5 июня 2007 г.»⁵². В этих пунктах доклада, напомним, подробно прописаны задачи и полномочия смешанной операции ООН и АС.

В состав ЮНАМИД, которая будет включать в себя персонал действующей с 2004 г. Миссии Африканского Союза в Судане (МАСС), а также «тяжелый» и «легкий» пакеты мер Организации Объединенных Наций в поддержку МАСС, будут входить до 19 555 военнослужащих, в том числе 360 военных наблюдателей и офицеров связи, и соответствующий гражданский компонент, включая до 3772 сотрудников полиции и 19 сформированных полицейских подразделений численностью до 140 человек каждое. Вместе с миротворцами МАСС общая численность миссии при полном развертывании достигнет 26 тысяч человек, что превратит ЮНАМИД в самую большую миротворческую операцию в мире⁵³. Бюджет миссии только на первый год должен составить более 2 млрд. долл. США. Очевидно, что с появлением столь основательного и хорошо экипированного контингента в западном регионе страны центральным суданским властям будет сложнее выступать по отношению к оппозиционным движениям с позиции силы.

В преамбуле Резолюции 1769 дана важная ссылка на Аддис-Абебское соглашение от 12 июня 2007 г., согласно которому смешанная операция должна носить преимущественно африканский характер, а воинские контингенты в ее состав должны набираться по возможности из африканских стран. Это важное положение во многом было призвано облегчить согласие официального Хартума на развертывание Африканским союзом и ООН совместной операции, хотя бы внешне сохранив ее «африканское лицо» и несколько замаскировав присутствие международных сил в государстве, руководство которого в своем политическом дискурсе активно использует тезис о недопущении нарушения суверенитета. Принцип «решения африканских проблем силами самих африканцев», таким образом, формально соблюден. Однако следует подчеркнуть, очень высока вероятность того, что африканские страны окажутся не в состоянии обеспечить полноценное функционирование миссии, и основная нагрузка по формированию контингента все же ляжет на государства из других частей света.

Характерно, что резолюция 1769 в отличие, например, от упоминавшейся выше резолюции 1706 устанавливает четкие временные рамки для скорейшего развертывания ЮНАМИД, в документе детально прописаны его этапы. Это позволяло надеяться, что резолюция будет действительно выполняться в срок. Резолюция также призывает Генерального секретаря ООН и Председателя Комиссии АС в течение 30 дней договориться об окончательном составе военного компонента миссии. В этом пункте как раз оговаривается скорейшее решение африканцев о выделении сил и средств для миссии, с тем чтобы в случае их весьма вероятной неспособности обеспечить «африканский характер» миссии – см. выше – оставалось бы достаточно времени для формирования личного состава миссии из других стран.

Суданцы, много месяцев всеми силами сопротивлявшиеся любым попыткам ввести в Дарфур международные войска и на каждом шагу в этом направлении «вставлявшие палки в колеса» инициаторам вмешательства, с последней, несколько раз отредактированной версией Резолюции 1769 были вынуждены согласиться. Уже 1 августа глава МИД Судана Лам Аколь однозначно заявил о согласии официального Хартума с документом. Однако министр отметил, что резолюция «отвечает некоторым опасениям Судана». Комментируя текст мандата, он не преминул подчеркнуть, что он «лишь допускает использование силы для самозащиты» и «защиты гражданских лиц в конфликтных зонах без ущерба для суверенитета Судана»⁵⁴.

Добившись при поддержке Китая и Катара нескольких переработок проектов резолюции, убрав положения о дополнительных санкциях против Хартума в случае невыполнения положений документа, а также о возможности использования силы для разоружения повстанцев и племенных ополчений, суданцы, видимо, истощили терпение сторонников и не встретили понимания своих дальнейших претензий к тексту резолюции.

Американцы поспешили закрепить успех. После принятия резолюции госсекретарь США Кондолиза Райс подчеркнула привычку суданцев усиленно создавать препятствия для нормализации обстановки в Дарфуре и отметила, что в Вашингтоне очень рассчитывают, что суданское руководство «будет следовать взятым на себя обязательствам». Постоянный представитель США при ООН Залмай Халилзад, в свою очередь, предупредил, что в случае, если Хартум не будет выполнять резолюцию, последуют «быстрые одно- и многосторонние меры».

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отозвался о резолюции очень высоко, назвав ее «исторической» и «беспрецедентной».

Лидер одной из крупнейших группировок дарфурских повстанцев, Движения за равенство и справедливость Абдельвахид Мухаммед Нур, в свою очередь, назвал резолюцию «историческим моментом для народа Дарфура»⁵⁵.

Острым вопросом, который мог стать очередным камнем преткновения на пути реализации резолюции, являлся состав контингента ЮНАМИД. Учитывая высокую вероятность того, что, как говорилось выше, африканские страны могли не полностью обеспечить контингент личным составом, а европейские миротворцы в Дарфуре не являются желанными гостями официальных властей, чрезвычайно важной казалась готовность КНР, Малайзии, Индии – стран, имеющих серьезные интересы в Судане, – послать в Дарфур своих миротворцев. Ожидалось, что в случае неспособности африканских стран обеспечить основную численность контингента ЮНАМИД самое тяжелое бремя по обеспечению миротворчества в Дарфуре ляжет именно на эти азиатские страны. Очевидно, что для них участие в таком достаточно рискованном мероприятии, как операция ООН – АС в Дарфуре может иметь как свои плюсы, так и очень серьезные минусы. В случае каких-либо серьезных инцидентов в Дарфуре с участием азиатских миротворцев и представителей арабских племен китайскому, индийскому и малайзийскому бизнесу, вероятно, придется далее работать в Судане в гораздо менее благоприятном окружении.

Несмотря на формальное согласие официального Хартума с резолюцией и предупреждения Вашингтона и Лондона⁵⁶, у суданцев остается очень много достаточно легальных, эффективных и не раз испытанных способов до крайности затянуть развертывание международного контингента. Суданские ведомства сами по себе являются очень инерционными системами, а при указании сверху любую процедуру оформления документов они могут мастерски затянуть на месяцы. Поэтому, например, процесс получения виз сотрудниками ЮНАМИД, таможенных разрешений на ввоз оборудования или вооружения брокерами, соответствующих лицензий на строительство лагерей для миссии субподрядчиками может потребовать неимоверно долгое время. Все эти проблемы для ЮНАМИД неизбежны. Но возникнут ли они в массовых масштабах и как миротворцы будут их решать – покажет лишь время.

Однако даже в том случае, если 26 тысяч миротворцев ЮНАМИД не смогут обеспечить мир и спокойствие на территории Дарфура, равной целой Франции, эта миссия и Резолюция 1769 являются, повторимся, чрезвычайно важными шагами на долгом и тернистом пути к миру в регионе. Они неизбежно крайне осложняют массовое вооруженное насилие и, что может оказаться еще более важным, подтолкнут многочисленные вооруженные группировки региона к выработке единой конструктивной позиции и переговорам.

Реакция на резолюцию Совбеза ООН 1769 со стороны суданских оппозиционных политических сил не заставила себя ждать. В первую же декаду августа 2007 г. руководители крупнейших оппозиционных партий страны – «Уммы» (председатель – бывший премьер-министр страны Садык Махди), ЮДП (Юнионистско-Демократической Партии во главе с Миргани), Народного Конгресса (во главе с Хасаном ат-Тураби), Компартии (лидер – Мухаммед Ибрагим Нукуд) не упустили возможность раскритиковать правительство и высказаться по резолюции в негативных тонах. Общий тезис их политической речи по данному вопросу – дальнейшее усиление иностранного влияния в стране и неспособность правительства самостоятельно решать стоящие перед ним проблемы.

Дарфурские оппозиционные силы, в свою очередь, в массе своей восприняли резолюцию позитивно. Для них солидарность с мировым сообществом по вопросу урегулирования на данном этапе является возможностью легитимации и постепенного преобразования своих вооруженных группировок в полноценные политические движения. Вместе с тем в последнее время отмечается рост популярности и влияния дарфурских оппозиционных лидеров в ущерб позициям правящего Национального Конгресса. Особенно это продемонстрировал визит президента Судана Омара аль-Башира в штаты Северный и Южный Дарфур в конце июля 2007 г. Несмотря на несомненно задействованный административный ресурс (а он властями Дарфура обычно используется полностью, отмечено на личном опыте – Е.К.), митинги с участием президента собрали не так много народа. Особого энтузиазма жители региона по поводу визита президента не проявили. Очевидно, что все меньше надежд на улучшение жизни в Дарфуре возлагается на усилия официального Хартума.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кризис в Дарфуре сложен и многогранен. Зародившись в глубине веков как конфликт племен с различным хозяйственным укладом, в наши дни он превратился в один из самых кровавых очагов напряженности на планете. Суданское руководство оказалось неспособным найти действенные механизмы разрешения кризиса, и предпринимаемые официальным Хартумом меры были неэффективны, часто оказывая лишь негативное воздействие на события в регионе. Усилия международных посредников по стабилизации ситуации в Дарфуре принесли больше плодов, но и здесь рано еще говорить о долговременной стабилизации.

Нужно отметить и ту роль, которую в спасении жизней в регионе играют международные и неправительственные организации. Во многом благодаря их усилиям в Дарфуре функционируют лагеря внутренне перемещенных лиц, сохраняется надежда на то, что обитатели этих лагерей не превратятся в «вечных странников», наводняющих беднейшие городские пригороды, а смогут сохранить внутренние связи и по достижении военно-политической стабилизации вернуться в родные места к привычному образу жизни. Это – цель первоочередной важности, реализация которой еще сможет остановить полную маргинализацию региона.

Однако достижение военно-политической стабильности в Дарфуре остается делом не самого ближайшего будущего. Несмотря на развертывание ЮНАМИД, в регионе сохраняется крайне высокий уровень насилия, общая ситуация не улучшается, а деградирует. Так, в конце мая 2008 г. повстанцы даже попытались ворваться в столицу, крайне напряженными являются и отношения официальных Хартума и Нджамены, что еще более накаляет обстановку и чревато дальнейшим втягиванием в орбиту кризиса соседних государств.

При этом не вызывает сомнения, что дарфурское урегулирование нужно рассматривать не только само по себе, но и в контексте общесуданской ситуации, учитывать региональный и международный контекст. Только повсеместное прекращение

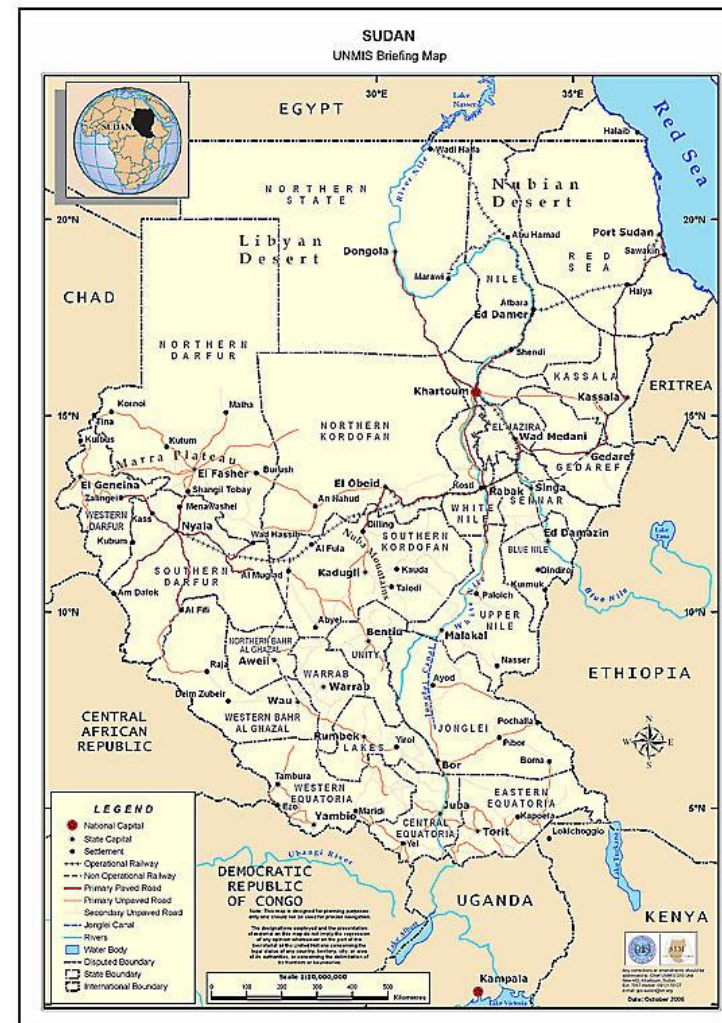
огня и снижение уровня насилия в регионе с учетом трансграничных связей повстанцев сможет создать приемлемые условия для налаживания эффективного политического диалога между оппозиционными группировками и правительством.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что только процесс полномасштабного политического урегулирования может остановить насилие в регионе. Принцип суверенитета Судана и его территориальной целостности при этом должен оставаться во главе угла. Усилия посредников и миротворцев в Дарфуре необходимы, но они должны быть санкционированы легитимными международными институтами. В этом плане ЮНАМИД, при всех ее проблемных местах, представляется единственно верным путем к улучшению ситуации «на местах».

КАРТЫ

Карта 1

Общая карта Судана

Источник: Миссия ООН в Судане. www.unmis.org

Карта 2

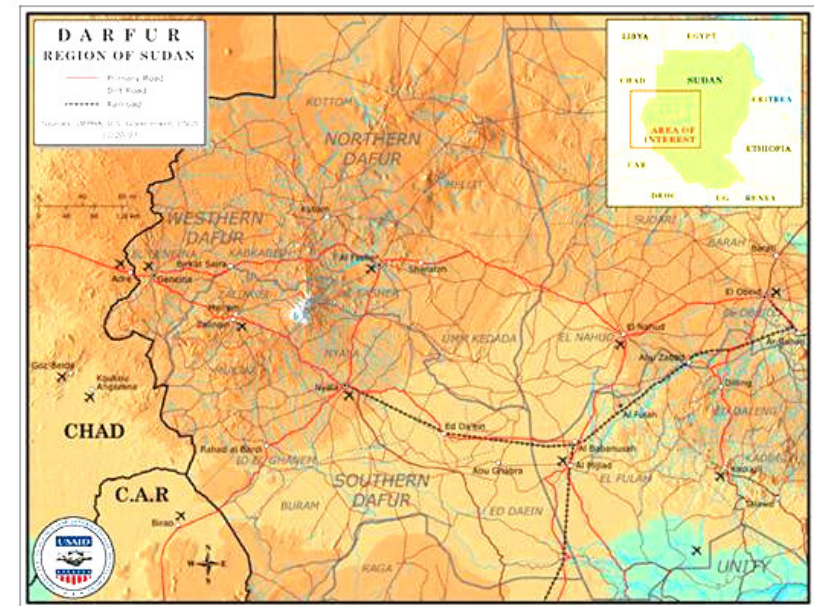
Районы расселения племен Дарфура

Источник: Human Rights Watch. www.hrw.org

Карта 3

Карта региона Дарфур

Источник: www.sudanreeves.org

Нефть в Судане

Источник: USAID.

¹ UN News Centre. www.un.org/news

² См., напр., Sudan head accused of war crimes. BBC, 14 July 2008. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7504640.stm>

³ Подробнее о конфликте на юге Судана см., напр., Кудров Е.А. Судан на пути к разделению в 2011 г. Проблема юга страны и пути ее решения. // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 2008, №3.

⁴ Подробнее о проблеме сепаратизма на востоке Судана см., напр., Sudan: Saving Peace in the East. International Crisis Group, Africa Report, №102, 5 January 2006.

⁵ У суданского арабо-мусульманского большинства существуют давние противоречия с малыми народами, проживающими в северной части страны – нубийцами, нуба и пр. Эти народы, попав в орбиту влияния арабо-мусульманской культуры, постепенно приняли ислам, но не ассимилировались и сохранили свою культурную самобытность. Проживая на окраинах страны, они острее арабского большинства воспринимают недостаток внимания к своим нуждам со стороны официального Хартума. Маргинализация районов расселения этих малых народов в период независимого развития Судана привела к тому, что в их среде на этнической основе начали формироваться общественные организации, позднее выдвинувшие требования уже политического характера.

⁶ Адам И.М. Муназзамат аль-муджтамаа аль-маданий ва дауруха фи ат-такамуль аль-сиясий фис-Судан (Организации гражданского общества и их роль в политической консолидации Судана) // Маджаллат абхас ас-салям ва ат-танмия. (Журнал исследований проблем мира и развития). Университет Джубы, Центр исследований проблем мира и развития, июль 2004. С. 63.

⁷ По данным, приведенным генеральным секретариатом Переходной региональной администрации Дарфура, в регионе проживает 6769832 человека при общей численности населения Судана в 37230 тыс. чел. См. Transitional Darfur Regional Authority. Darfur Now in Figures. С. 5. В то же время, по оценкам Миссии ООН в Судане, в июле 2005 г. проживало 40487 тыс. чел. Всеобщая перепись населения Судана была проведена в мае 2008 г., на момент завершения этой работы ее данные еще обрабатывались. В сентябре суданское руководство сообщило, что итоги переписи будут объявлены до конца 2008 г.

⁸ Судан. Справочник. М., 2000. С.18.

⁹ Статистические данные приводятся по официальному сборнику Transitional Darfur Regional Authority. Darfur Now in Figures.

¹⁰ Подробнее о взглядах этого «патриарха» дарфурской политики см., напр., *Management of the Crisis in the Sudan. Position Statements*. Ahmed Ibrahim Diriage. <http://fou.uib.no/fd/1996/f/712001/poahmed.htm>.

¹¹ Tanner and Tubiana. *Divided They Fall. Small Arms Survey*. HSBA Working Paper 6. С. 14.

¹² Садык аль-Махди – глава тариката «Ансария», лидер партии «Ум-ма», в 1986–1989 гг. премьер-министр Судана.

¹³ По мнению многих исследователей, что подтверждается бытующим в Судане мнением, Хасан Абдалла ат-Тураби был идейным вдохновителем военного переворота 30 июня 1989 г., в результате которого к власти пришли ориентированные на точное следование нормам ислама военные под руководством Омара аль-Башира. Ат-Тураби безусловно является одним из самых ярких представителей исламистских движений, выдвинувших из своей среды множество харизматических лидеров. Но можно с уверенностью сказать, что Хасан ат-Тураби выделяется на их фоне. Ему удалось инициировать попытку создания в Судане нового государства, основанного на исламских принципах. Ат-Тураби, идейный лидер суданской исламской революции, стоит на одной ступени с иранским Хомейни, а по своим философским взглядам во многом даже превосходит его.

В 1996 г. ат-Тураби был назначен председателем парламента, в котором его движение, основанное в 1964 г. и к тому времени называвшееся Национальный исламский фронт (НИФ), получило большинство мест. Но ат-Тураби стал слишком влиятельным, опасным для военных, и в 2000 г. был смещен со всех постов. Сегодня ат-Тураби возглавляет оппозиционный Народный конгресс. Его политический вес, конечно, несравним с прежним, но ат-Тураби остается одной из влиятельных фигур современного Судана. При этом он, конечно, и своего рода легенда. О взглядах Х. Тураби см., напр., Кудров Е.А. Лидер суданских исламистов Хасан Тураби о ситуации в Судане и вокруг него. Институт Израиля и Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/16-04-08.htm>.

¹⁴ Tanner and Tubiana, *op. cit.*, с. 15.

¹⁵ Flint and de Waal, 2005, с. 21.

¹⁶ Flint and de Waal, 2005, с. 76.

¹⁷ В первые годы после переворота 1989 г., когда центральная власть в Хартуме еще только перестраивалась, южане попытались добиться успеха «в поле». Они значительно потеснили северян на юге, на некоторое время даже создав угрозу срединным районам страны. Тогда же была сделана и попытка разжечь огонь восстания в Дарфуре. В декабре

1991 г. при негласной поддержке племени фура СНОА вошла в Дарфур, но на марше к горам Марра была разбита регулярной суданской армией и ополченцами арабского племени бени хальба. За несопротивление вторжению с юга тогда были предприняты и карательные действия против фура.

¹⁸ Идрис Деби происходит из одного из кланов загава, проживающего на севере Чада.

¹⁹ Чадско-ливийская война (1978–1987 гг.) – вооруженный конфликт за спорные территории на границе двух стран в Сахаре.

²⁰ Как уже отмечалось выше, многие вооруженные стычки с человеческими жертвами возникают из-за возделанных полей, потравленных перегоняемым традиционными маршрутами скотом, или из-за доступа кочевников со своими стадами к скудным водным источникам, и без того чрезмерно эксплуатируемым земледельцами. Примером могут служить столкновения между племенами маалия и резегат.

²¹ Подтвержденные запасы нефти в Судане составляют 5 млрд. баррелей, что существенно больше, чем, например, в соседнем Египте (3,7 млрд. баррелей), который уже давно является государством-экспортером нефти средней величины. При этом существует возможность существенно увеличить добычу нефти в Судане, где сейчас добывается лишь около 500 тыс. баррелей в день, в то время как в том же Египте, по данным на 2005 г., добывалось более 700 тыс. баррелей. Потребление нефти в самом Судане хоть и возросло в последние годы, но все еще незначительно – лишь около 100 тыс. баррелей в день, что дает нефтяным компаниям возможность вывозить из страны 80% добываемых углеводородов. Для сравнения, в том же Египте потребляется основная часть производимой нефти: по данным на 2006 г., 579 тыс. баррелей в день. Возможная перспектива добычи и экспорта больших объемов нефти из Дарфура является серьезным фактором, усиливающим борьбу за власть и территорию в регионе.

²² Как известно, беженцем считается тот, кто по причине политической нестабильности и отсутствия безопасности вынужден покинуть свою страну; в отличие от беженца внутренне перемещенным лицом считается тот, кто по тем же причинам проживает в лагере на территории своей собственной страны. Время показало, что в условиях Дарфура участие внутренне перемещенных лиц, остающихся под юрисдикцией своей собственной страны, ничем не лучше, а чаще хуже, чем судьба беженцев

²³ Sudan Humanitarian Overview. UN Office for Coordination of Humanitarian Affairs (ООНА), August 2007.

- ²⁴ По материалам интервью Международной кризисной группы в июле 2007 г. и суданской прессы.
- ²⁵ По материалам интервью Международной кризисной группы в январе и июле 2007 г. и суданской прессы.
- ²⁶ Darfur's New Security Reality. International Crisis Group Africa Report, №134. 26 November 2007. С. 4.
- ²⁷ Ibid. С. 5.
- ²⁸ По материалам интервью Международной кризисной группы, июль 2007 г.
- ²⁹ Цит. по: Darfur's New Security Reality. International Crisis Group Africa Report №134. 26 November 2007. P. 10.
- ³⁰ Текст мирного соглашения см. <http://www.unmis.org/english/dpa.htm>. Подробнее о нем ниже.
- ³¹ Citizen, 25.03.2007.
- ³² Darfur's New Security Reality. International Crisis Group Africa Report, №134. 26 November 2007. С. 12.
- ³³ На этом основании, например, Ибрагим Мадибо, возглавивший Комиссию по восстановлению и расселению временной администрации, принял решение не сотрудничать с прочими членами переходной администрации Дарфура. По материалам интервью Международной кризисной группы за январь и июль 2007 г. и суданской прессы.
- ³⁴ Подробнее см., напр., Кудров Е.А. Лидер суданских исламистов Хасан Тураби о ситуации в Судане и вокруг него. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/16-04-08.htm>
- ³⁵ Tanner and Tubiana. Divided They Fall. Small Arms Survey. HSBA Working Paper 6. С. 34.
- ³⁶ Ас-Сахафа, 20.08.2008.
- ³⁷ В Судане действуют более сотни неправительственных организаций, занимающихся прежде всего гуманитарными вопросами (помощью беженцам и временно перемещенным лицам и проч.), а также, по неофициальным данным, собирающих в Дарфуре оперативную политическую информацию и формирующих среди жителей региона негативное отношение к суданским властям.
- ³⁸ Полный текст документа см. http://www.usip.org/library/pa/sudan/sudan_ceasefire_04082004.html.
- ³⁹ Полный текст этой базовой резолюции см. <http://www.unmis.org/english/documents/resolutions/res1590.pdf>.
- ⁴⁰ Lindsey T. Darfur – A Cultural Handbook. Defence Academy of the United Kingdom, Conflict Studies Research Centre. April 2007.

- ⁴¹ Darfur Peace Agreement. Полный текст см. <http://www.unmis.org/english/dpa.htm>.
- ⁴² Ас-Сахафа, № 4637, 6.05.2006.
- ⁴³ Правительство национального единства создано осенью 2005 г. как коалиция севера и юга в рамках выполнения Всеобъемлющего мирного соглашения.
- ⁴⁴ Так впоследствии и произошло: согласно подписанному полгода спустя, 16 ноября 2006 г. Мирному соглашению по Востоку Судана, глава «Восточного фронта» получил пост помощника президента.
- ⁴⁵ AU Peace and Security Council. 45th Meeting Communique. 12 January 2006. Addis Ababa, Ethiopia. PSC/PR/Comm.(XLV). Art. 5.
- ⁴⁶ Заявление председателя Совбеза ООН от 3.02.2006. S/PRST/2006/5.
- ⁴⁷ Ар-Рай аль-Амм, 3.02.2006.
- ⁴⁸ Sudan Vision, Vol. 4 Issue, No 765, 23.02.2006.
- ⁴⁹ Подробнее об этом этапе борьбы вокруг Дарфура и роли Африканского союза см., напр., Кудров Е.А. Судан: Ситуация вокруг кризиса в Дарфуре. // Востоковедный сборник, №8. М.: Институт Ближнего Востока, 2007.
- ⁵⁰ The Citizen, Vol. 1, Issue 144, 7.05.2006.
- ⁵¹ Резолюция 1769 (2007), 31.07.2007. S/Res/1769 (2007). Текст резолюции см. <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2007/res1769.htm>
- ⁵² Текст доклада см., напр., здесь: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/369/70/PDF/N0736970.pdf?OpenElement>
- ⁵³ До полного развертывания ЮНАМИД крупнейшей миротворческой операцией оставалась Миссия ООН в Конго.
- ⁵⁴ Sudan Tribune, 2.08.2007.
- ⁵⁵ По материалам «Ас-Сахафа», «Sudan Vision», «Ар-Рай аль-Амм».
- ⁵⁶ Британский премьер Гордон Браун, выступая в ООН незадолго до голосования, предупредил суданцев, что в случае возникновения новых препятствий на пути решения кризиса в Дарфуре Британия будет готова на жесткие меры.

SUMMARY

The subject of this book by Evgeny A.Kudrov, M.A. holder and Moscow State University post-graduate student, is the Darfur crisis, its whys and wherefores, trends and dynamics. The crisis that for no apparent reasons emerged in the Sudanese western region represents today's bloodiest conflict which death toll reached more than two hundred thousand people. At once due to the conflict more than 2 million people were left homeless and forced to find asylum in IDP camps or other countries.

The book deals with both the deep roots of today's conflict and its current stage. The very beginning of the historical scramble for resources between the nomads and the settled dates back to the Middle Ages, but after the spread of the firearms in the region in the middle of the 20th century the scale of confrontation began to increase.

The current stage of the crisis emerged in 2003 and was characterized not only by usual economic clashes of nomads with sedentary population, but rather the Arab – African confrontation with inefficient governmental interference. The book reviews the appearance of the Darfur armed opposition movements – SLM and JEM – and Janjaweed militias, being at odds over natural grazing grounds and farmland, as rainfall dwindled and water became scarce.

The necessity to halt the continuing violence and start comprehensive peace process in the region is stipulated. Meanwhile the Darfur conflict attracts the rapt attention of the international community, the necessity to preserve Sudanese sovereignty remains an important agenda. For sure the conflict needs urgent measures, and these measures are to be approved by legitimate international bodies. No unapproved meddling into the crisis can bear any fruit.

United Nations – African Union mission in Darfur (UNAMID), approved by the UN Security Council in 2007, is called upon to improve the security and humanitarian situation on the ground until the political solution is found.